#HABIBTIME

АВТОБИОГРАФИЯ

12+

Заур Курбанов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Khabibtime – это история жизни, рассказанная нам от первого лица одним из самых ярких и выдающихся спортсменов современности, чемпионом UFC Хабибом Нурмагомедовым. Кажется, что поведать обо всем этом мог кто угодно, но только не сметающий всех на своем пути суровый парень из октагона, однако это именно он.

-
- Сильди – орлиное гнездо
- Кировоул. Новая жизнь большой семьи
- Борцовский ковер – детская площадка
- Отец покоряет Махачкалу. И не только её…
- Дисциплина. Другого не дано
- Моё всё
- Жизнь во дворе колледжа
- Мы любили пошалить
- Семья
- Мой уличный рекорд
- Всегда приходится выбирать
- Тренер-наставник
- Боевое самбо. Пути к вершинам
- Я в отцовской обойме
- Титул номер один. Чемпионат России
- Время внутренних изменений
- Ну, здравствуй, ММА
- Всё очень быстро закрутилось. «Кубок Атриума»

С благодарностью Всевышнему Господу за все дарованное мне в жизни я хотел бы посвятить эту книгу моим дорогим родителям и всем тем людям, которые, поддерживая нас, прошли долгий и тернистый путь от высокогорного Сильди до чемпионских высот.

Я СКАЖУ ТЕБЕ, КОГДА ТЫ УСТАНЕШЬ,
А ТЕПЕРЬ ИДИ И РАБОТАЙ!

ОТЕЦ

Обращаясь к каждому человеку, держащему в руках эту книгу, хочу поблагодарить его. Поблагодарить, прежде всего, за внимание к нам, к тому пути, который нам довелось пройти. Всю свою жизнь я старался быть полезным тем людям, с которыми живу. Именно поэтому и стал заниматься детьми и их спортивным воспитанием. Я занимался любимым делом, несмотря ни на какие сложности и препятствия. Успехи и достижения моих воспитанников становились для меня вдохновением для движения дальше. Мой сын Хабиб был одним из тысяч простых ребят, выбравших спорт в качестве основы своей жизни. Я, как мог, старался вести его по этому тернистому пути. В каждом действии своего сына я видел стремление и неуемную жажду побед и достижений. Мне это нравилось, поэтому я прикладывал все больше усилий в работе с ним. Однако ничего бы не получилось, если бы не желание самого Хабиба. Он тренировался не только для себя, но и показывал остальным, как нужно тренироваться. Хабиб был упрямцем, а я для него – диктатором, как в семье, так и в спорте. Он всегда мечтал о больших боях, удваивая и утраивая свои усилия после очередного выигранного поединка или турнира. Я же придерживал его, пытаясь по-отцовски предостеречь от спешки и ошибок. Вопрос о том, кто для меня Хабиб – сын или спортсмен-воспитанник, остается открытым…Поиск

ответа на него оставляю Вам, наш читатель… Двигайтесь к своей мечте и не вздумайте отступать! Положитесь на волю Господа и выкладывайтесь в том, что делаете.

Абдулманап Нурмагомедов

заслуженный тренер Российской Федерации

Я познакомился с Хабибом в 2012 году, когда он пришёл в мой спортзал готовиться к своему второму бою в UFC. Моё внимание сразу привлекли его невероятный напор и стиль борьбы. Причём неважно, кто был его соперником! В любом случае он находил способ уложить оппонента на лопатки – перевести в партер – и продолжить борьбу в той плоскости, где он Мастер своего дела. Я ещё тогда подумал: какая сила в этом парне!

Он тренировался без шлема и иногда без капы. И по сей день, Хабиб носит тот самый Вечный шлем, что я подарил ему. Он больше не тренируется без защиты, поскольку говорит, что тренироваться без защиты – это просто непрофессионально. Когда я раньше говорил ему: «Отдохни!», он почему-то начинал бороться ещё усерднее! И лишь год спустя, когда Хабиб лучше овладел английским, он объяснил мне, что команда «Отдохни!» воспринималась им как распоряжение усилить бой. Хабиб был очень скромен, когда приехал в 2012-м, и остался по-прежнему скромен сегодня, когда всё изменилось и он стал суперзвездой. Его любовь к Семье и его Вера – вот то, что нерушимо для него. Его Книга повествует о жизни человека, чьи воля и упорство показывают нам, как все мы – Божьи дети – можем прожить счастливую жизнь, независимо от того, кем являемся.

На мой взгляд, он лучший, и не из-за того, что он делает на ринге. Всё дело в том, как Хабиб ведёт себя за пределами ринга и как обращается с другими людьми.

Хавьер Мендез

основатель и главный тренер American Kickboxing Academy

Меня зовут Али Абдель-Азиз. Я бывший боец, обладатель чёрного пояса Рензо Грейси и менеджер

нескольких звёзд UFC сегодня. Мне довелось познакомиться с Хабибом в 2014 году, когда он порвал переднюю крестообразную связку. В то время я не был его менеджером. Он прилетел в Лас-Вегас, и мы прожили бок о бок почти целый год, а потом он опять повредил колено и сломал рёбра. Из-за травм Хабиб уже был близок к тому, чтобы уйти из спорта. И в этот сложный период, и после него мы держались вместе. Он проводил время с моей семьёй, подружился с моими детьми.

Хабиб не просто один из моих бойцов. Он мне как родной брат. И он один из самых невероятных людей, которых я встречал в своей жизни. Рядом с ним я сам становлюсь лучше. Его доброта, его преданность, его вера и то, как он обращается с другими людьми, – всё это поражает. Мы через многое прошли вместе. Перед поединком с Фергюсоном он заболел, и нам пришлось вернуться и снова проделать весь путь к титулу. Мы боролись с Барбозой и Элом Яквинтой, и Хабиб стал чемпионом UFC в лёгком весе. Сейчас он готовится к бою с Конором Макгрегором. И это будет величайший бой в истории UFC.

Хабиб – человек, который всегда поддержит меня, а я всегда поддержу его, и до самой смерти мы с ним будем друзьями и братьями. Он очень важный человек в моей жизни, я восхищаюсь им не только как бойцом, но и в первую очередь как человеком. Он самый крутой чувак на планете, непобеждённый, бесспорный чемпион мира в лёгком весе.

Али Абдель-Азиз

основатель и президент промоутерской компании Dominance

Меня зовут Даниэль Кормье. Я чемпион UFC в полутяжёлом и тяжёлом весе. Спортом я занимаюсь почти всю жизнь. Я всё видел и через всё прошёл. И вот что хочу сказать: я не уверен, что когда-нибудь вышел бы бороться с таким, как Хабиб Нурмагомедов. Я познакомился с Хабибом в Американской академии кикбоксинга (АКА) в Сан-Хосе, Калифорния. Сказать, что он особенный, – не сказать ничего. Он невероятно сильный. Проще говоря, он боец без жалости к себе и к сопернику. И вы поймёте это, когда прочтёте книгу. В то же время Хабиб – человек огромной веры и чести,

воспитанный скромным и благочестивым. Всё в нём поражает меня. Горжусь, что могу назвать его товарищем по команде и другом. Это история простого парня, проделавшего путь из высокогорного Дагестана до вершин ММА. У него были взлёты и падения, но он никогда не сдавался и не забывал свои корни.

Приятного чтения! Надеюсь, книга вдохновит вас так же, как и меня.

Даниэль Кормье

чемпион UFC в полутяжелом и тяжелом весе

Сильди – орлиное гнездо

Я горец. Такой же, как мой дед и отец.

Горы – наш дом. Горы сделали нас такими, какие мы есть.

Жить в горах – это всё равно что вертеть в руке монету.

Её лицевая сторона – окружающая красота: возможность ежедневно созерцать впечатляющие величественные пейзажи, слушать пение птиц, питаться натуральной пищей, дарованной удивительной природой. А оборотная сторона – это работа, точнее постоянный, ежедневный, изнуряющий физический труд.

Неустанно работать и жить свободной полноценной жизнью – вот все привилегии горца и горянки.

В Дагестане традиционная семья имеет много детей. Но с течением времени даже у нас – людей, привычных к жизни в больших семьях, – представление о таковых изменилось, и мы уже стали считать большой даже ту семью, в которой всего трое ребятишек. Однако ещё каких-то тридцать-сорок лет назад такая семья, скорее всего, считалась бы самой маленькой в селе, где у большинства супружеских пар было семь, восемь, а то и десять сыновей и дочерей.

У меня большая семья. Со стороны папы у меня четыре дяди и две тёти. Со стороны мамы – два дяди и четыре тёти. Жизнь в горах нелегка и предполагает коллективный труд. Иначе никак. Вести хозяйство в одиночку бесполезно, не выдержит даже самый сильный. Ведь нужно и скот держать, и землю обрабатывать. Так что лучше работать сообща и вместе с семьёй, плечом к плечу.

Моя малая родина – Дагестан, в переводе – Страна гор, – расположена на самом юге самой большой страны мира – России. Этот красивейший край раскинулся между высокими заснеженными вершинами Большого Кавказского хребта и песчаным берегом тёплого Каспийского моря. Именно здесь, в высокогорном Цумадинском районе, расположено моё родовое село Сильди.

В переводе с аварского языка название моего родного района означает «орлиный», и этот эпитет не грешит перед истиной – орлов в наших краях действительно много. Речь не только о птицах, ведь в горах заслужить похвалу нелегко, а лучшей похвалой для мужчины здесь всегда было уподобление его орлу – смелой и зоркой птице.

Здесь, в горном гнезде Сильди, родились и выросли мои предки, дедушки и бабушки по отцовской и материнской линиям.

История наших гор наполнена примерами небывалой храбрости и удивительных подвигов. Каждое новое поколение

горцев-дагестанцев растёт в особой атмосфере, где героизм и самопожертвование не пустой звук, а реальная повседневность, где мужчина каждый день должен доказывать, что он достоин называться мужчиной. Каждый уголок нашего дивного края примечателен географически или благодаря небывалому разнообразию флоры и фауны, а прежде всего интересен в контексте военной истории.

Со времён грозных завоевателей прошлого, от хромого Тимура до Гитлера, наши горы привлекали взоры захватчиков всех мастей. Такой интерес был продиктован чрезвычайно выгодным геостратегическим положением наших земель.

Тот, кто владел Северо-Восточным Кавказом, мог полноправно хозяйничать на узком перешейке, зажатом между Кавказскими горами и Каспием и называвшемся с древности Каспийским проходом. Дагестан, соединявший именно здесь Европу и Азию, извечно представлял собой лакомый кусок для тех, кто мечтал покорить мир и расширить горизонты своих возможностей. Сложность ведения домашнего хозяйства в горной местности вкупе с постоянными угрозами извне, вынуждавшими горцев всё время быть наготове и в случае необходимости взяться за оружие и принять бой, защищая себя и семью, предопределили развитие мировоззрения дагестанцев и заложили основы их ментальности. Они трудились не покладая рук, пытаясь вырастить на отвесных скалах и каменистых склонах то, что могло бы прокормить семью. Однако в любой момент они были готовы сменить орудия мирного труда на боевое оружие, саблю или ружьё, и пойти воевать.

Данные обстоятельства определяли миропонимание человека, помогали ему всегда здраво оценивать свои возможности. Именно благодаря такому укладу жизни и характеру быта новые поколения учились житейской мудрости и мужеству, братству и семейственности. Хотя мы и не застали времена расцвета традиций нашего горского общества, я всегда стремлюсь постичь философию этого образа жизни, устои предков, их жизненные установки.

К сожалению, с течением времени основная часть всего того, о чём я рассказал выше, начала теряться, растворяясь в новой повседневности, сначала сформированной советским прошлым, а позже – мировой глобализацией.

В этом нет, на мой взгляд, ничего удивительного. Ведь скорость жизни увеличивается, отношения между людьми приобретают совершенно иной характер, человек приспосабливается к меняющемуся миру вокруг себя, среда обитания подсказывает ему, как жить и поступать.

Но я горец, поэтому дорожу всей логикой бытия, которая позволяла моим предкам достойно жить, растить детей, строить дома, вести хозяйство, и если надо – воевать и умирать за Отечество. Это самые важные, стержневые понятия нашей жизни, растерять которые мы не имеем права.

Мой дедушка по материнской линии был одним из тех, кто не вернулся с войны, но позволил нам – своим внукам – жить и трудиться сегодня.

Я горжусь и тем, что являюсь потомком мужественных людей, сражавшихся бок о бок с признанным во всём мире великим военачальником, полководцем, государственным деятелем и духовным лидером Дагестана – имамом Шамилём.

Имам Шамиль для меня, как и для миллионов моих земляков и соотечественников, является образцом мужества и благородства, чести и мужского достоинства, служения своему Создателю и народу.

В период Кавказской войны 1817–1864 годов Шамиль возглавлял движение горцев Дагестана и Чечни, выступавшее за сохранение жизненных устоев горцев перед надвигавшейся колонизацией.

Шамиль создал своё государство, общественные порядки в котором даже сегодня многими экспертами в области права и государственного строительства признаются одними из самых демократичных за всю новейшую историю человечества.

Два моих предка по материнской линии входили в число близких соратников великого имама: наиб Сайгидмагомед Сильдинский и знаменосец Денгамагомед.

Та война изобиловала жесточайшими сражениями, самое известное из которых – битва при ауле Ахульго, развернувшаяся в июне-августе 1839 года.

Это были одни из самых страшных и кровавых дней в истории моей малой родины. Сегодня на месте битвы сооружён мемориал, который я проезжаю каждый раз, когда еду в родное Сильди.

Каждый раз я останавливаюсь здесь, чтобы, преклонив колено, прочитать молитву за всех погибших в этих местах и вновь с гордостью посмотреть на запись, выгравированную на каменной плите, где в списке наибов – доверенных лиц имама Шамиля и государственных деятелей созданного им государства – Имамата – есть имя моего предка Сайгидмагомеда из Сильди.

Я горд тем, что мои предки участвовали в Великой Отечественной войне и достойно прошли через поля её сражений.

Мой дедушка по отцовской линии, Магомед, – труженик, земледелец, свою жизнь посвятил созиданию. Порой, бывает,

смотришь на все созданные им и другими моими родственниками террасы, на которых горцы в условиях малоземелья умудрялись получать неплохие урожаи, и думаешь: «Вот это да, вот это сила воли и стремление жить!»

Жизнь в горах только на первый взгляд романтична, а на самом деле, только взявшись за кирку, лопату или тяпку, понимаешь её реальную цену.

Подъём засветло, работа со скотом и на террасе, с постоянным риском, в том числе для жизни, выпас овец, сбор дров для отопления жилища – вот они, суровые прикрасы жизни в горах.

В этих условиях жили и трудились мои предки, о чём я вкратце рассказал выше.

Мой отец – Абдулманап Нурмагомедов – тоже родился здесь, в Сильди, 10 декабря 1962 года.

Он стал вторым ребёнком в семье моего дедушки Магомеда после рождения первого сына, моего дяди Али.

Впоследствии у моего отца появятся ещё два брата и две сестры.

Это ещё одно напоминание о больших дагестанских семьях.

В начале 60-х годов XX века правительство стало предлагать горцам Дагестана переселяться на равнину, где было больше возможностей для полноценного ведения хозяйства. Отсутствие должной инфраструктуры создавало дополнительные трудности, фактически отрезая многие населённые пункты от «большой земли». Продолжать жить и развиваться в суровых условиях высокогорья, которые я описывал раньше, не представлялось возможным, поэтому горцы постепенно переселялись вниз – в предгорья и на равнину, ближе к побережью Каспийского моря.

Начались фундаментальные сдвиги в жизненном укладе сотен тысяч людей. Это переселение заняло добрых два десятка лет.

Не стала исключением и наша семья. В возрасте двух лет, в 1964 году, мой отец переехал с семьёй на равнину, в селение Кировоул Кизилюртовского района.

Абдулманапа определили на житьё к его дяде, моему двоюродному дедушке Али Гаирбекову.

Дело в том, что у дяди не было своих детей.

В дагестанских семьях тогда существовала – да и сейчас иногда встречается – практика передачи детей бездетным родственникам в пределах одного тухума (на всякий случай поясню, дорогой читатель: тухумом называется родственная группа (род) у народов Дагестана).

Мой папа со своим старшим братом Али переехали жить в

совершенно новые для себя условия.

Это было время расцвета советского государственного устройства и строительства социализма в нашей стране.

Государство брало на себя решение многих вопросов, возникших в жизни переселенцев. Не всё, конечно, было тогда гладко, но в общем и целом семьи моих родителей остались довольны итогами переезда.

Родители моего отца и матери ещё какое-то время оставались в Сильди, а в 1967–1968 годах уже и они переехали в Кироваул.

Вот так в течение 6–8 лет жизнь моей семьи очень резко и основательно изменилась: мой дедушка наблюдал по утрам уже не горные вершины, которые виднелись теперь лишь на горизонте, а течение Сулака – одной из самых крупных и полноводных рек в Дагестане.

В Кироваule семье предстояло начинать всё с чистого листа.

Необходимо было изучить все плюсы и минусы нового месторасположения, пригодность почвы и рельефа местности к ведению домашнего хозяйства и как можно скорее влиться в производственные процессы, характерные для жизни в этих краях.

Нужно было найти работу, устроить детей в школу, завести знакомство с соседями, поставить на новые рельсы с нуля своё привычное хозяйство и так далее.

Теперь здесь, в Кизилюртовском районе, начиналась совершенно новая жизнь для моей большой семьи.

Хотя меня тогда ещё и в помине не было, но я хорошо представляю, как нелегко было моему дедушке в тот период.

Однако он, как и вся семья, справился со всеми трудностями.

Дедушка спокойно и уверенно, со свойственным горцам трудолюбием, упорством и оптимизмом вёл свою только-только сформировавшуюся семью к будущему процветанию.

Кироваул. Новая жизнь большой семьи

В 1968 году, когда дедушка Магомед с большей частью своей семьи переехал в Кироваул, мой отец Абдулманап, уже освоившись на равнине, пошёл учиться в первый класс местной школы.

Именно там, в Кизилюртовском районе, началась жизнь и деятельность моего папы, который с течением времени станет заслуженным тренером России, тренером 24 чемпионов мира по боевому самбо и наставником, вырастившим четырёх бойцов UFC, в том числе чемпиона этой организации. Однако тогда об этом никто и подумать не мог.

Отец, как и дядя по отцовской линии, очень любил и, что самое главное, мог учиться. Особенно удавались ему история, география, русский язык. Никто не отменял и физический труд как метод воспитания: большое хозяйство, которое организовал и вёл дедушка, требовало приложения сил всей большой семьи.

Дедушка работал механизатором в совхозе-миллионере. В этом деле к концу шестидесятых годов он был достаточно опытен. В 1953 году он попал служить в моторизированную часть, расквартированную в Румынии. Там он и научился водить технику. Он стал одним из первых, кто мог водить в нашем селе.

В совхозе занимались откормом крупного рогатого скота. Дедушка Магомед работал в совхозе, в зависимости от сезона, то комбайнёром в уборочную страду, то водителем грузовика зимой. Водить автотранспорт или сельскохозяйственные машины тогда считалось привилегией. Такой техники было немного, а люди, работавшие на комбайнах, вообще были на вес золота, поэтому дедушка сразу же нашёл своё место в совхозе.

Свои восемь классов отец окончил с одной четвёркой в аттестате, а десять классов – с двумя четвёрками. Однако хорошая учёба по школьной программе не была единственной задачей отца в тот период.

С седьмого класса он стал, что называется, «забивать» за собой ещё и спортивные позиции как на школьном, так и на районном и республиканском уровнях.

До завершения учёбы в школе Абдулманап так никому и не уступил пальму первенства в шахматах. Вот и сейчас, кстати, при желании можешь, уважаемый читатель, напроситься на партийку с ним: уверен, при наличии стимулирующего его сознание приза папа не откажется.

Футбол, волейбол, настольный теннис, лёгкая атлетика – всё это спортивные предпочтения отца того периода.

Несмотря на столь глубокое погружение в спорт и физическую культуру, отец ни на мгновение не упускал из виду учёбу. Это он привил всем нам любовь к истории, географии и математике. Видимо, уже тогда папа решил, что учёба и серьёзные занятия спортом могут сосуществовать. Тем более что тогда перед глазами отца жил и творил, боролся и оперировал великий Али Алиев.

По завершении восьми классов отец выиграл один из кроссовых забегов на длинную дистанцию. Причём, как он сам порой вспоминает, сделал это не за счёт исключительно физических кондиций, а за счёт правильной расстановки собственных сил относительно темпа соперников.

С этого момента вдобавок к первенству в шахматах за отцом закрепилось реноме хорошего стайера. Это уже позже папа стал обращать внимание на свою способность успешнее бегать длинные, нежели спринтерские дистанции.

Тот, кто занимается бегом, да и в принципе любым видом спорта, понимает, что для стайера необходимы не только хорошая физическая форма, но и определённые качества характера. Ты не можешь бегать 3, 5 или 10 км, ещё и обгоняя соперников, не обладая психологической устойчивостью, упорством и, что самое главное, умением терпеть.

У отца всё это было, и он умело пользовался этим.

В ряду спортивных предпочтений папы особняком стояла вольная борьба. Даже сегодня, изрядно постаравшись, вы с трудом сможете найти в Дагестане семью, один или несколько членов которой, не занимались бы этим видом спорта. Пусть для кого-то это уровень общей физической подготовки, для кого-то – любительская забава, а для кого-то – профессиональное занятие, борьба в Дагестане имеет давние и славные традиции. Мой отец, как и сотни тысяч мальчишек того времени, рос в атмосфере всё нараставшей популярности вольной борьбы.

Папе было пять лет, когда знаменитый Али Алиев выиграл последний для себя, пятый чемпионат мира по вольной борьбе, проходивший в Дели (Индия).

Папе было семь лет, когда великий Али Алиев последний для себя раз взошёл на высшую ступень пьедестала почёта чемпионата СССР по вольной борьбе. Это случилось в девятый раз.

Папе было десять лет, когда великий Загалав Абдулбеков стал победителем турнира по вольной борьбе Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 году.

Ну как, скажи, дорогой читатель, в этой атмосфере ажиотажного роста популярности вольной борьбы мальчишка из селения Кироваул мог избежать участи стать борцом-вольником?!

Никак. Папа начал бороться в седьмом классе.

В восьмом классе 52-килограммовый Абдулманап Нурмагомедов уже был чемпионом республики по вольной борьбе.

Те времена отец вспоминает как период нескончаемых кроссов. Порции по 4 км дистанции утром и вечером ежедневно. Как тебе такой рацион юного спортсмена?

Это был период становления характера молодого человека, и я горжусь тем, что отец прошёл его однозначно по-чемпионски.

Отец окончил десять классов средней школы и попытался поступить в институт. Он выбрал институт Центросоюза СССР в г. Полтаве. Это был другой конец огромной страны, неведомые дали, покорить которые планировал семнадцатилетний Абдулманап Нурмагомедов. Тогда это было одно из немногих учебных заведений в Советском Союзе, которые набирали абитуриентов по таким важным для народного хозяйства специальностям, как товаровед, заготовитель, бухгалтер-экономист. Трое из четверых братьев Нурмагомедовых впоследствии окончили именно этот институт, так что мы называем его «семейным».

Вслед за старшим братом Али сразу после школы туда дважды пытался поступить отец, но не прошёл по конкурсу. Поступить в институт или университет в Советском Союзе было весьма престижно, однако трудно.

Сейчас можно встретить многих людей, которые пробовали поступить и получить образование пять-восемь раз. Образование тогда было труднодоступным, и не все проходили суровые вступительные испытания. Скажу больше, в горах наличие или отсутствие в семье человека с высшим образованием являлось характеристикой семейства. Так и говорили: «Это солидная семья, они дали сыну образование». Так вот, мой дедушка смог дать образование не одному, а всем своим сыновьям и дочерям. Это одно из серьёзных достижений нашей семьи – большая любовь к образованию и образованности.

Приоритетами для поступления у отца сразу после школы стали факультеты советской торговли и кооперации. Отец рассматривал учёбу в Киеве, Самарканде, Махачкале, Мытищах (Московская область) и Полтаве.

Конечно, он попробовал поступить сначала в Махачкале, в ведущее высшее учебное заведение Республики Дагестан на тот момент – Дагестанский государственный университет. Там

функционировал факультет советской торговли.

До сих пор ходят легенды о том, что поступить на учёбу на юридический, исторический и факультет советской торговли могли только дети партийных функционеров, но никак не ребята «с земли» – такие, как мой отец. Отец поступал в Дагестанский государственный университет в 1979 году, сдал три экзамена из четырёх, и с мечтой поступить на один из самых престижных и востребованных факультетов пришлось распрощаться.

Отец поступал дважды, и оба раза безуспешно.

Ввиду неудач с поступлением в вуз он решил отдать стране воинский долг и пошёл служить в армию.

Служил отец в 1981–1983 годах. Говорил, что служба в армии ему нравилась. Особенно импонировал режим, которым сопровождалась служба. Питание, сон, тренировки – всё это райские условия для того, кто хочет подтянуть свою физическую форму. Отец как раз этого и хотел.

К моменту начала службы отец уже неплохо боролся по правилам вольной борьбы.

В течение двух лет службы в армии отец планировал поступление в высшее учебное заведение. Как он сам рассказывает, непременно хотел получить образование, так или иначе связанное с торговлей либо с сельским хозяйством.

Отказаться от поступления в вуз после армии отец даже не думал. Во-первых, две неудачных попытки требовали реванша, а отец не из тех, кто уступает; во-вторых, он непременно хотел обрадовать дедушку дипломом.

Отец уволился из рядов Вооружённых сил СССР в звании старшины, стал отличником политической и боевой подготовки и получил рекомендацию для поступления в институт.

Нужно было только верно расставить приоритеты. И отец начал это делать. Старший брат отца, Али, к тому времени уже учился в кооперативном техникуме в Полтаве на Украине, и отцу показалось правильным отправиться на учёбу поближе к старшему брату.

Попытка поступить в кооперативный институт в Киеве окончилась неудачей: отец сдал все экзамены, но не прошёл конкурс. Это стало ещё одним подтверждением того, что высшее образование в советской стране было труднодоступным с точки зрения конкуренции при поступлении, однако пробовали многие, так как фундаментальность и качество этого образования говорили сами за себя.

Однако отцу всё же удалось получить высшее образование на Украине: он поступил в Полтавский кооперативный институт в 1983 году и через пять лет, в 1987 году, получил диплом по

специальности «бухгалтер-экономист». Учёба давалась отцу легко, он любил учиться. Постепенно, по мере того как он осваивался в новой для себя жизни вдалеке от родного Сильди, папа стал добавлять к основной учёбе и тренировочному процессу новые «фишки». Одной из таких «фишек» стали курсы медицины и инструкторов по спорту.

Отец сейчас иногда вспоминает: несмотря на то, что на курсы по медицине тогда ходили в основном девушки, и среди парней эти занятия не пользовались популярностью, он старался не пропускать ни одного. Впоследствии это любопытство очень поможет Абдулманапу Нурмагомедову в развитии его тренерской карьеры.

Его познания в области анатомии и физиологии человека, информация о системах жизнеобеспечения и основных процессах, протекающих в организме, сведения о функционировании опорно-двигательного аппарата станут изюминкой Абдулманапа-тренера. Но это было позже. А пока, в 1984 году, это было лишь любопытство пытливого ума моего отца.

Вторым курсом, который посещал мой отец в студенческие годы, стал курс инструктора по спорту. К тому времени папа уже был членом сборной команды Украинской ССР, мастером спорта по вольной борьбе и дзюдо.

Таким образом, Полтавский кооперативный институт отец окончил и со специальностью бухгалтера-экономиста, и с дополнительными специализациями по медицине и инструктора по спорту.

В советской системе образования существовал один достаточно примечательный механизм: направление на работу по распределению после окончания учебного заведения.

Суть его сводилась к тому, что перед окончанием учёбы студент уже знал, куда пойдёт работать. Его направляли в тот или иной регион страны на предприятие, в организацию, совхоз или колхоз, и он работал там три года, а после уже сам определялся со своим будущим.

Эта система позволяла молодым специалистам фактически сразу находить свою нишу в профессии и не думать о турбулентностях жизни – безработицы тогда практически не существовало.

Приехавший специалист, при условии, что он хорошо себя проявлял, получал служебное жильё, что безусловно, помогало освоиться в жизни.

Такая же процедура распределения коснулась и моего отца, но он изменил бы себе, если бы воспринял это как данность.

Из шестидесяти пяти ребят-дагестанцев откреплению от этого

распределения получил только Абдулманап Нурмагомедов. Вновь спорт и преданное отношение к любимому делу стали причиной удачного стечения обстоятельств. Отец боролся за сборную команду своей области на чемпионате Украины по дзюдо. Ректор института пообещал Нурмагомедову, что в случае выхода последнего в финал чемпионата направит его в порядке закрепления на работу в родной Дагестан. Ясно, что отец после такого разговора был неудержим и выиграл тот старт.

Его направили на работу в РайПО (районное потребительское общество) селения Гуниб. Причём направление было выписано на должность главного бухгалтера.

Отец, столько лет, проведший на службе, а затем на учёбе на равнине, в крупных областных городах, вновь вернулся в свою стихию – в горы.

Он иногда вспоминает, как, приехав в Гуниб – один из самых крупных исторических, культурных и политических центров высокогорного Дагестана – вместе со своими дядями, долго озирался в поисках площадки для игры в футбол, однако таковую не нашёл и начал задумываться о целесообразности своего нахождения там…

Должность главного бухгалтера РайПО по тем временам считалась весьма солидной, тем более, если речь шла о молодом человеке, только что окончившем институт.

Однако отец вновь, как часто делал уже тогда и как неоднократно повторит в будущем, принял удивившее всех родственников и друзей решение.

Он попросил перевода в Сельпо Кизилюртовского РайПО. Если для сравнения использовать бойцовскую терминологию, отцу предлагали контракт с UFC, а он попросился на контракт промоушена из Гренландии или Антарктиды. Вот так. Папа вернулся в родной уже для себя Кироаул. Его назначили заведующим сельским магазином. Так он встал во главе коллектива, состоявшего из двух человек.

В общем, по тем временам папа неплохо устроился. Отец тогда уже три года как был семейным человеком, женившись в 1984 году на девушке по имени Патимат – моей маме.

Отец, наверное, перестал бы быть самим собой, если бы согласился долго сидеть на одном месте, даже если это было неплохое место заведующего сельским магазином.

Эта характерная черта отца запомнилась мне с детства: он постоянно что-то делал, видоизменял, создавал и развивал.

Вот и сейчас наступала пора очередных изменений.

Папа решил работать с детьми, со школьниками. Он понимал, что работа с подрастающим поколением дело сложное, но весьма

благородное. Видеть успехи своих учеников – вот чего требовала душа моего отца в тот период.

Папа счёл, что в размеренную жизнь сельского завмага следует добавить очередную «фишку». Этой «фишкой» стал сельский спортивный зал.

В 1987 году в отцовские планы входили ремонт старого сельского спортивного зала и открытие секции по вольной борьбе.

К этому времени молодое семейство уже обзавелось своим хозяйством, как и положено в селе. Отец продал четырёх быков, составлявших к тому моменту основу семейного благополучия, а на вырученные деньги начал ремонт в сельском спортивном зале.

Это сейчас, по истечении тридцати лет, затея отца смотрится романтично, а тогда продать всё, что было нажито непосильным трудом, и вложить это в авантюрную идею со спортивным залом смотрелось делом, по меньшей мере, нелогичным.

Однако в этом и есть весь мой отец. В конце концов, всё, что он продал для реализации, как сейчас модно говорить, своего «проекта», он заработал сам. И решение он принимал сам, полностью отдавая себе отчёт в том, что делает.

С ремонтом в зале отцу помогал бывший директор совхоза Камиль Саидович Юсупов. Папе сильно подфартило тогда: после очередного международного турнира по вольной борьбе на призы Али Алиева два новеньких ковра завезли в зал Республиканской детско-юношеской спортивной школы «Спартак», а те, что были там, отдали отцу в только что отремонтированный сельский спортивный клуб в Кироваул.

11 сентября 1987 года – эта дата навсегда вошла в историю семьи Нурмагомедовых. Отец запустил работу сельского спортивного зала, набрав две группы мальчиков в секцию вольной борьбы.

Началась славная тренерская карьера Абдулманапа Нурмагомедова.

В это же время отец двигался и по карьерной лестнице. Он перешёл на работу в совхоз «Темираульский» на должность бухгалтера-экономиста. Это было время перестройки – сложный и неоднозначный период существования моей страны. Особенно трудно приходилось обычным людям: перестраивалось, а порой и рушилось всё то, что они считали вечным и незыблемым. Рушилась страна.

Отец после этого быстро стал первым человеком в селе, то есть директором совхоза «Темираульский». Ему было 33 года, и он взял на себя такую ответственность. Папа начал руководить совхозом в период, когда плановая экономика разрушилась, а что

будет после, не знал никто.

Однако эти сложности ничуть не останавливали его. Он работал в совхозе, тренировал ребят в зале и взялся за местную футбольную команду. Эта команда дважды, в 1995 и в 1997 годах, выиграла чемпионат Дагестана. Таким вот, на первый взгляд незатейливым образом мой отец, бухгалтер-экономист по образованию, прошёл путь от студента-стажёра до директора совхоза с элементами тренера по вольной борьбе и местного футбольного функционера.

Как ты, дорогой мой читатель, наверняка уже понял, сейчас я рассказываю о том времени жизни моей семьи, когда в ней появился ещё один, второй ребёнок. Это произошло 20 сентября 1988 года.

Этим ребёнком был я.

Борцовский ковер – детская площадка

Я появился на свет через два года после рождения моего старшего брата Магомеда. Это были сложные и неоднозначные времена для моей страны. Советский Союз в своём существовании претерпевал могучие сдвиги сродни тектоническим. Сотни тысяч семей ежедневно ощущали на себе эксперименты партийной верхушки. Все были свидетелями попыток коммунистов, так или иначе, приспособить жизнь этого огромного и неповоротливого колосса к реалиям, имевшим место в ту эпоху.

Как любит говорить отец, мы – дети Советского Союза. Соответственно основная мысль композиции группы The Beatles – «Made in USSR» – мне подходит идеально.

Итак, 20 сентября 1988 года в семье Абдулманапа и Патимат Нурмагомедовых родился сын, уже второй. Это был я – Хабиб.

В этот период папа с мамой жили в доме дедушки, как принято во многих дагестанских семьях.

Первые мои детские воспоминания связаны со всем тем, что меня в те годы окружало. Это огород, скот. Меня постоянно приобщали к ведению домашнего хозяйства. Не работать было нельзя, даже невозможно: жизнь в селе заставляла каждого человека выкладываться на все 100 %, а иначе семья рисковала остаться без средств к существованию.

С раннего детства моя жизнь была наполнена радостью общения: сельская детвора, поднимая клубы пыли, бегала сломя голову с одного конца Кироваула в другой. Я был частью этой большой ватаги кричащих и смеющихся ребятишек. Нашими любимыми местами в селе были стадион и шлюз на реке Сулак. Стадион всегда был полон теми, кто играл в футбол, либо простыми зеваками, пришедшими, как у нас говорят, «убить время».

Сельская жизнь не предполагает большого количества развлечений, поэтому стадион и сельский клуб были этакими центрами притяжения.

Я отчётливо помню, что наша семья держала крупный рогатый скот – быков. Именно они и были основным объектом нашего внимания и заботы. Утром их нужно было вывести на выпас, выкинуть из их стойла навоз, а вечером обязательно завести обратно.

Ещё одной моей хозяйственной обязанностью были походы за водой. Мы только-только построили свой дом, а коммуникации

ещё не подвели, поэтому я брал вёдра и спускался к родному Сулаку. Его кристально чистая холодная вода выручала и до сих пор выручает моих односельчан.

Старший брат Магомед со второго класса школы уехал учиться в город Кизилюрт, разместившись там у дяди Али. После шестого класса он переехал на учёбу в Махачкалу.

Младшая сестра Аминат ещё не была способна помогать в ведении домашнего хозяйства. Она была слишком мала.

Таким образом, в силу постоянного отсутствия работавшего отца, отъезда брата и юности сестры старшим по хозяйству помощником мамы был я.

На первом этаже нашего дома, в котором мы жили, отец оборудовал… как ты думаешь, что? Правильно, спортивный зал.

Таким образом, лет с трёх борцовский ковёр, лежавший в этом зале, был для меня одновременно и игровой площадкой.

Уверен, дорогой читатель, что, глядя на всё то, о чём я сейчас здесь повествую, ты получил бы визуальное подтверждение расхожих слов о том, что дагестанцы – борцы с пелёнок.

Таким образом, я нёс ответственность за многие аспекты хозяйственной жизни моей семьи.

С меня спрашивали за всё: пришёл или нет с выпаса скот, полит и прополот ли огород, успешна ли учёба, изучается ли Коран.

В общем, именно тогда сама жизнь моей большой семьи делала из меня маленького солдата, живущего и действующего по строгому распорядку – распорядку жизни! При этом я всегда находил время для прогулки с друзьями, на маленькие шалости, присущие этому возрасту.

В вышеописанное течение моей жизни в 1993 году вмешалась школа. Вопреки обыкновению, когда дети в нашей стране идут учиться в шесть-семь лет, я поступил на учёбу в Кироваульскую среднюю школу в пятилетнем возрасте. До начала школьной жизни мама вела со мной подготовку дома.

Мою первую учительницу звали Хатимат Шарапудиновна. Она посадила меня за первую парту, определив в соседки одну из двух моих двоюродных сестёр, попавших в один класс со мной.

Маленькая конкуренция с сёстрами постоянно заставляла меня развиваться и показывать хорошие результаты в учёбе. Я готов был ночами напролёт заниматься, лишь бы папа не сказал, что я учусь слабее сестёр.

Итак, конкуренция двигала мною в этот период. Однако не только она. Были ещё и поощрения. Например, получая в неделю десять и более пятёрок, я удостаивался определённой суммы денег от отца. Хотя желаемых результатов я достигал не так

часто, как хотелось бы, но как минимум дважды в месяц у меня это получалось. Это была сверхмотивация!

Мне нужны были деньги. В возрасте семи-десяти лет, когда у тебя есть деньги, ты – номер один в толпе ребят. Я умел копить их, однако ни в чём себе не отказывал. Наверное, именно в этот период у меня сформировалось очень спокойное и чёткое отношение к деньгам: уже тогда я знал, что они зарабатываются. Я понимал, что, если у меня будут деньги, вокруг меня всегда будет толпа пацанов.

Я покупал себе сладости, мороженое, игрушки. Больше всего – пистолеты. Моим любимым пистолетом была «Ратонда» за 15 руб.

Тогда я думал так: кто даёт мне деньги – тот меня любит. Не даёт – не любит.

Взрослых людей я делил на две категории: «он давал деньги», «он не давал денег». Под такую градацию попадали все: родственники, друзья, семья и так далее.

Например, два брата моего отца, мои дяди Насир и Нурмагомед, проживавшие на тот момент на Украине, всегда привозили мне что-то полезное, а главное, в условиях Кировоула эксклюзивное. Например, дядя Насир однажды привёз мне велосипед.

Конкуренция сопровождала меня повсюду: в учёбе, спорте, изучении Корана. Она помогала мне развиваться. Если прибавить к этому систему денежной мотивации от отца, ты понимаешь, дорогой читатель, что же в тот период было залогом моих успехов.

Из школьных предметов мне нравились география, история, литература. Я гуманитарий по складу ума. Поэтому на протяжении всей школьной эпохи терпеть не мог и, как ни старался, не понимал геометрию, физику, химию, математику.

Любимым моим предметом была география. Папа купил мне книгу «Страны и народы», состоявшую из 196 страниц, на которых давалось краткое описание той или иной географической категории, экономики страны и так далее. Она стала для меня настольной. Я знал её от корки до корки и мог без проблем назвать наименования географических объектов, столицы государств и так далее.

Папа стимулировал мой интерес деньгами. В любой момент он мог задать мне вопрос и, получив правильный ответ, вознаграждал меня определённой суммой. Я люблю географию, а когда мне стали за неё платить, я стал практически неудержим в познании этого предмета.

Был у меня ещё один источник заработка. Брат Магомед

учился сначала в Кизилюрте, а потом в Махачкале, и папа всегда давал ему 200–250 рублей на неделю. Так вот, брат всегда оставлял мне 20–30 рублей, которые делали мою жизнь в Кировауле крайне обеспеченной.

Когда я перешёл учиться в шестой класс, папа впервые сказал, что переводит меня на учёбу в Международный дагестано-турецкий колледж, в котором вот уже два года успешно учился Магомед. Мне нужно было на отлично окончить шестой класс. Переезд в Махачкалу, город с морем и широкими возможностями, стал для меня целью и мечтой. Я грезил об этом весь год. Учебный год мне удалось завершить отметками «отлично».

И вот я сдал три вступительных экзамена в одно из лучших тогда учебных заведений – Международный дагестано-турецкий колледж. Учёба в колледже велась на английском и турецком языках. К тем предметам, что имелись в программе моего обучения в Кировауле, добавлялись физика, химия, геометрия. Все предметы, повторюсь, нам преподавали на английском языке. Если в селе знание английского алфавита считалось признаком серьёзного уровня владения языком, то теперь все предметы читались на «инглише», и это стало для меня реальной проблемой, решить которую, как оказалось впоследствии, у меня не получится.

Параллельно моему счастливому сельскому детству развивалась и жизнь моего отца. Будучи председателем совхоза в перестроечные и постперестроечные времена, он встал перед непростыми человеческими и управленческими задачами: что делать со всем совхозным имуществом.

Люди, занимавшие должности подобно той, на которой работал папа, принимали разные решения относительно колхозной и совхозной собственности: земли, недвижимость и техника были лакомыми кусочками.

Отец одним из первых в республике пошёл на так называемую схему организации хозяйства – схему распределения всего имевшегося имущества между членами совхоза. Члены республиканской комиссии эту схему утвердили, а папа остался в памяти односельчан как человек, раздавший всем в частную собственность совхозные активы.

После этого отец сконцентрировался на тренерской работе. Результаты ребят росли из года в год, радуя молодого тренера. Однако, как ты уже понял, дорогой читатель, папа не из тех, кто успокаивается на достигнутом. Постоянно выезжая с воспитанниками на турниры различного уровня, отец видел, что его дело получит развитие только в большом городе, при наличии конкуренции.

Приблизительно с 1995 года Абдулманап Нурмагомедов начал вынашивать планы переезда в Махачкалу. Решиться на такой шаг сразу ему было трудно: родители, семья, дети, односельчане – всё это, конечно, подсказывало ему оставаться. Однако понимание того, что отсутствие должной конкурентной среды однозначно отрицательно сказывается и на уровне мастерства ребят, и на нём самом как начинающем тренере, всё более подталкивало его к принятию этого решения. И папа такое решение принял.

В 1999 году мы продали дом в селении Кироаул, домашний скот, все остальные атрибуты и части своего хозяйства и переехали жить в Махачкалу.

Отец, оставив в Кироауле маму с сестрой, взял с собой в Махачкалу не только меня, но и семерых-восьмерых своих воспитанников. Он буквально грезил успехами этих ребят.

И пошёл даже на то, что они жили вместе с ним.

В таком сложном деле, как переезд, моей семье очень помог директор одного из самых успешных учебных заведений того времени – Международного дагестано-турецкого колледжа – Магомед Хайбулаевич Хайбулаев. Помощь Магомеда Хайбулаевича моей семье заключалась в одном феноменальным факте: он дал нам двухэтажный дом, находившийся фактически во дворе возглавляемого им колледжа.

Старший брат Магомед к этому времени уже учился в дагестано-турецком колледже. Отец решил, что сразу после переезда я пойду по стопам Магомеда и буду учиться там же.

Я отчётливо помню субботники, которые отец устраивал в нашем новом доме и вокруг него. Всю придомовую территорию мы, таким образом, превратили в огород.

Как-то совсем незаметно вокруг отца, брата и меня сформировалась мощная спортивная база: стадион колледжа и спортивный зал, столовая и парная, а главное – крыша над головой.

Сейчас, по прошествии уже более пятнадцати лет, я иногда спрашиваю отца, не боязно ли было ему тогда покидать вместе с семьёй, в возрасте тридцати семи лет, родное село.

Ведь уехать на учёбу в Полтаву в возрасте двадцати лет – это одно, а перестраивать жизнь уже сложившейся семьи – совершенно иное. Да, мы переехали всего на 55 км южнее нашего Кироаула, но это был переход в совершенно иную жизнь.

Большой город, такой, как Махачкала, безусловно, открывал возможности и перспективы, но он также нёс и опасность.

Мы, дети, родившиеся в консервативной среде в своём маленьком селении, выросшие до определённого возраста под

опекой бабушки и дедушки и не попавшие под тлетворное влияние большого города, теперь, когда нам было по восемь-тринадцать лет, рисковали перестать быть частью своей родовой общности.

Видимо, верно говорят, что если разумный человек замечает зачатки проблемы, то он предпринимает все усилия, чтобы не допустить её назревания.

Вот и отец, осознав потенциальную опасность отрицательных для нас последствий жизни в большом городе, делал и до сих пор делает всё для того, чтобы цепочка Сильди – Кироаул – Махачкала крепла.

Папа сделал всё возможное для того, чтобы мы поддерживали общение с бабушками и дедушками, дядями и тётями, братьями и сёстрами. Отец привил незабвенную любовь и привязанность к родственникам, за что я ему искренне благодарен.

Отец покоряет Махачкалу. И не только её…

Итак, 1999 год стал для меня и моей семьи судьбоносным и определяющим. Теперь мы живём в Махачкале – столице Дагестана.

Сложные времена для моей малой родины. В 1996 году бандиты захватили заложников в Кизляре – это к северу от Махачкалы, а в августе 1999 года международные бандиты-террористы вторглись на территорию нашей республики.

Беда и приход к нам непрошеных гостей привели к уникальному явлению, но в ситуации очень характерной для всех наших людей. Перед лицом общей опасности и врага дагестанцы объединились и встали на защиту родной земли. Около недели формирования самообороны, составленные из простых горцев, вели полномасштабные боевые действия против бандитов. Это продолжалось до подхода в горы федеральных войск.

Вот таким трагичным был 1999 год для республики.

Каждый из нас – мужчин семьи Нурмагомедовых – покорял Махачкалу по-своему: отец – как тренер, мы с братом – как ученики.

Скажу тебе прямо, дорогой читатель, отец крайне редко жалуется на сложности и сетует на те, или иные обстоятельства жизни. Это в том числе и один из основных постулатов нашей веры: всё от Всевышнего. Однако если ты спросишь у Абдулманапа Нурмагомедова о том, когда ему в жизни было сложнее всего, то он ответит: первые пять лет жизни в Махачкале. Вот тут-то и можно вновь вспомнить о том, что, живя в Кировауле, отец как сыр в масле катался: работа, хозяйство, дела, семья… Однако оставил всё ради совершенно туманных перспектив…

В этом весь мой отец: никогда не искал для себя особых удобств и тем более не находился в зоне комфорта. Всё время двигался.

Конец девяностых – начало нулевых годов прошлого века – время расцвета дагестанской борцовской школы. После двух олимпийских золотых медалей Сайпуллы Абсаидова и Магомедгасана Абушева в 1980 году в золотом медальном зачёте наших борцов вольного стиля случился перерыв, длившийся четыре олимпийских цикла.

В Атланте-96 и Сиднее-2000 наши земляки Хаджимурад Магомедов, Сайгид Муртазалиев, Адам Сайтиев и Мурад

Умаханов выиграли четыре олимпийских золота, дав, таким образом, новый виток развития вольной борьбы в Дагестане.

Залы вновь наполнились желающими добиться результата парнями, отцы приводили сыновей к тренерам олимпийских чемпионов.

В общем, ажиотаж был сильнейший.

Вместо того чтобы ловить свою добычу там, молодой тренер Абдулманап Нурмагомедов вновь сам себе сказал, что у него свой путь.

Этот путь назывался боевое самбо. Несмотря на то, что к этому времени, к миллениуму, и сам отец, и старший брат Магомед, и я были очень плотно привязаны к борьбе, папа решил, что его тренерской нишей станет именно боевое самбо.

Думаю, рассказывать сейчас, что отцу было очень сложно расписывать все прикрасы нового вида спорта на фоне успехов вольной борьбы, не нужно.

Папа пошёл против общего тренда, он начал культивировать в Махачкале, в Дагестане новый вид спорта.

Это было сложно, однако отец вновь пошёл на риск.

Никто не хотел уступать отцу ни одного квадратного метра тренировочных площадей. Это были времена серьёзной конкуренции школ и клубов, тренеров и стилей. Поэтому самым большим дефицитом, конечно, были площадки для тренировок.

В колледже у нас был спортивный зал размерами 18х9 м. Один только ковёр был 9х9, а нам ведь ещё нужно было разминаться, растягиваться, и нас, воспитанников, у папы было немало.

Многие ребята тогда тренировались при отсутствии элементарных условий. Вода холодная или горячая в зале была вещью порой даже более ценной, чем весь спортивный инвентарь.

Многие молодые и весьма талантливые тренеры так и не смогли полностью реализовать свой потенциал из-за отсутствия условий. Наличие таких условий, как вода, свет, раздевалки, способствовало привлечению в зал большого количества молодых спортсменов. Это были и возможность селекции для тренеров, и шанс зарабатывать хоть какие-то деньги для своих семей.

Это понимал и отец. Поэтому он разными путями, но всегда обеспечивал эти условия для тех ребят, которые выбрали именно его в качестве тренера. Карьера тренера в дагестано-турецком колледже у папы продлилась с 1999-го по 2002 год. Это были годы адаптации семьи к новым условиям жизни и становление нашего отца в качестве тренера в городе, где жили и трудились двенадцать-пятнадцать тренеров олимпийских чемпионов.

В 2003 году отец перешёл на работу тренером-

преподавателем в муниципальную детско-юношескую спортивную школу, так называемую «махачевскую» школу. Её так называли потому, что постоянную помощь юным спортсменам – выходцам из этой школы – оказывал известный в республике государственный и общественный деятель Гаджи Махачев.

До 2005 года отец работал в этой школе, а с 2008-го перешёл на работу в спортивный зал, расположенный на улице Ермошкина в Махачкале, который он арендовал для организации тренировочного процесса.

Этот этап стал определяющим и в тренерской карьере моего отца, и в процессе моего жизненного выбора. Ещё большее влияние такой поворот событий оказал на развитие боевого самбо как вида спорта в нашей республике.

Приехав в Махачкалу делать себе карьеру тренера, папа взялся за дело так рьяно, что поневоле настроил против себя немало людей, так или иначе определивших ход развития всей системы единоборств.

Никому не известный провинциальный тренер-самоучка по тогда ещё экзотическому виду спорта стал для некоторых людей бельмом в глазу.

За пять лет жизни и работы в Махачкале отец, уже формировавший вокруг себя команду друзей и единомышленников, провёл в Махачкале открытый чемпионат Дагестана, а в 2004 году – первый чемпионат мира по боевому самбо и несколько международных турниров.

Неслабо для новичка тренерского цеха, да?

Этим отец всегда отличался: стремлением идти исключительно к целям, невзирая на сложности и проблемы.

На страницах этой книги хочется вспомнить имена всех тех людей, которые сначала помогали отцу состояться как тренеру, а уже после всегда были полезны нам – птенцам манаповского гнезда.

Взявшись тренировать ребят, едва достигших тогда десяти-двенадцатилетнего возраста, папа начинал работу с ними с общефизической подготовки, а затем добавлял гимнастику и атлетизм, после – базовую технику самбо и дзюдо. В этом ему активно помогали воспитанники первого потока – Руслан Абдулхалимов, Назир Мамедалиев, Магомед Магомедов.

Постепенно мальчики, тренировавшиеся у отца в зале на Ермошкина, стали задавать тон в своих возрастах и весах на большей части соревнований в городе. Тогда и отцу, и нам было с кем соревноваться. В Махачкале в начале нулевых полноценно функционировали девятнадцать различных федераций и объединений единоборств. Вот это была конкуренция!

Папа жил и работал по принципу «Пусть всё и вся будет против меня». Это была его личная мотивация. Здесь, на мой взгляд, в нём говорил больше спортсмен, нежели тренер. Стремление отца в условиях этой конкуренции выйти на лидирующие позиции не могло не передаваться нам. Подготовка и выступления на любом городском или республиканском соревновании походили на подготовку к маленькой войне. Это не было похоже ни на что другое в нашей жизни того периода. Такая подготовка включала в себя не только и не столько сами тренировки, мы всегда тренировались на полную катушку, вне зависимости от наличия или отсутствия соревнования на горизонте. Отец готовил нас методически, тактико-технически и что имело, наверное, определяющее значение, психологически.

Мы никогда не слышали слов «ты должен победить». Каждый из нас, готовясь к старту, и без того понимал, что выходит только для того, чтобы завершить соревнования на первой ступеньке пьедестала.

Папа больше ориентировал нас на внутренний мир, психологию и характер каждого. Он понимал, что физическая или даже тактико-техническая база его воспитанников была на солидном уровне, позволявшем достойно выступать. Однако гораздо более важной для себя, как для тренера, задачей он считал необходимость зажечь в душе своего воспитанника огонёк победы.

Папа часто рассказывал в последние двадцать-тридцать минут тренировки истории из спортивных карьер великих чемпионов, давая нам, таким образом, пищу для размышлений о стойкости характера, упорстве в достижении цели и способности взять себя в руки в нужное время. Отец видел тенденции. Это также было его отличительной чертой.

Уже в 2006–2008 годах в разговорах со своими коллегами-тренерами по различным видам единоборств папа утверждал, что всё идёт к объединению видов, то есть к смешанным единоборствам. Постепенно мнение отца о возрастании доли смешанных единоборств как спортивной дисциплины стало подкрепляться тенденцией.

Дисциплина. Другого не дано

Не помню, чтобы, ложась в юные годы спать, я не думал о делах и заботах завтрашнего дня. Это было частью меня ещё в раннем детстве в Кировауле.

Моя дисциплинированность, безусловно, стала плодом усилий моих родителей.

Мама была со мной так заботлива и обходительна, что баловаться перед ней или не выполнять задания по дому было для меня просто недопустимо.

Вдобавок к этому мама была несколько раз прооперирована, поэтому нарушать что-то «по-чёрному» перед ней я считал ниже своего пусть тогда и ребячьего, но всё-таки мужского достоинства.

Папа постоянно бывал в делах, на работе, в поездках. Он тренировал ребят, тренировался сам, руководил совхозом, то есть был полностью погружён в работу.

Как уже было сказано, мой старший брат Магомед учился в Махачкале и домой приезжал только на выходные, а сестрёнка Аминат была ещё слишком мала, чтобы нести какую-то нагрузку по хозяйству, поэтому я и был семейным министром сельского хозяйства. Мы с мамой занимались и скотом, и огородом, и самим домом.

Как ты понимаешь, дорогой читатель, в этих условиях «сачковать» и находить свободное время для игр казалось невозможным. Однако время от времени я это исправно делал, убегая с ребятами купаться на сельский шлюз, установленный в пойме реки Сулак.

Мы с друзьями могли уйти туда рано утром и провести там весь день. Доступ к этому месту был только у мужчин, женщины туда не приходили. Мама, чтобы связаться со мной, просила отправлявшихся поплавать ребят передать мне, что пора домой.

Я знал, что дома буквально всё стоит: нужно поработать по хозяйству, прибраться в доме, сходить за скотом. Приходил домой уставший после целого дня, проведённого в компании друзей и братьев.

Безусловно, мама меня ругала, папа ругал. Но я тотчас приводил себя в порядок, какое-то время после этого не нарушал распорядок и исправно выполнял свои обязанности. Однако при первой возможности снова убегал на шлюз. Такие нарушения дисциплины не были системой, а скорее являлись исключением из правил. Я понимал, что отец поругает. Мама могла ругать меня и шуметь, я мог что-то сказать в ответ. С отцом всё было сложнее:

и ругал, и порой наказывал. Страх перед отцом был безусловным и всеобъемлющим. Я делал всё, что он говорит. Мог не понимать, зачем совершаю те или иные действия, но обязательно делал. Делал потому, что так велел отец.

Приблизительно в восьмом классе школы, то есть в двенадцать-тринадцать лет, я научился понимать настроение папы. Я нашёл с ним общий язык. Это позволило мне постепенно уходить из-под тотального контроля с отцовской стороны. Тогда я это воспринимал как свою безусловную удачу и находчивость, а теперь понимаю, что это спровоцировало ещё большее количество нарушений с моей стороны.

Мне следовало находиться дома, как только на улице стемнеет. Вечерний намаз я уже должен был читать дома. Находиться на улице после этого – нарваться, по крайней мере, на неприятный разговор с отцом. В какой-то момент я приноровился приходить домой к намазу. Совершал вечернюю молитву и сразу после этого выскальзывал на улицу. Приходил совсем поздно. Когда возвращался домой, обязательно определял, узнал ли о моём отсутствии отец. В девяти из десяти случаев он не знал о том, что я «сквозанул». Чаще всего папа засыпал на диване перед включённым телевизором. Он параллельно тренировал ребят в двух залах, тренировался сам, поэтому, конечно, уставал. Я же, пользуясь подобными обстоятельствами, всегда получал дополнительные три-четыре часа на улице с пацанами.

Время шло. Я взрослел. Увлечений и соблазнов становилось всё больше. Однако фундамент дисциплины не проседал и не давал трещин. Отец всё так же следил за моим развитием.

Вы можете задаться вопросом: а как же другие дети в этой семье? Неужели Абдулманап, концентрируясь на Хабибе, забывал о других своих детях?

Совсем нет.

Просто мой старший брат Магомед не нуждался в такой плотной опеке, как я. Он хорошо учился, дисциплинированно тренировался и очень редко нарушал устав. Аминат была слишком юна и всегда находилась в компании матери, тёток и двоюродных сестёр.

Таким образом, оставался только я – Хабиб.

Контроль со стороны отца касался не только занятий спортом. Это был тотальный контроль. Когда я учился в дагестано-турецком колледже, папа постоянно говорил обо мне с учителями. По-другому и быть не могло: мы жили прямо во дворе учебного заведения, и учителя всегда ходили мимо нашего дома. Отец не пропускал ни одного родительского собрания, так как каждое такое собрание включало в себя упоминание моего имени.

Папа всегда имел ко мне претензии.

Дисциплина в спорте – константа для меня. Её привил мне отец. Я хорошо помню время, когда отец вставал каждое утро и непременно отправлялся на пробежку. Каждый вечер, заканчивая тренировку с ребятами в зале, он оставался и вкалывал по полной уже сам. Именно поэтому я не представлял себе ситуации, в которой мог бы нарушить эти правила, проявить недисциплинированность.

Мне всегда казались странными рассказы одноклассников о том, что кто-то проспал школу или вечером допоздна гулял в городе. У меня была стабильная повестка: подъём – тренировка – завтрак – учёба – уроки – обед – сон – тренировка – сон. Всё. Дисциплина стала основой жизни всей нашей семьи после переезда в 1999 году в Махачкалу. Точнее сказать, для мужской части семьи. Дело в том, что, переезжая в 1999 году в Махачкалу, мы оставили в Кировауле маму и Аминат. В двухэтажный дом во дворе дагестано-турецкого колледжа нас въехало пятнадцать человек. Капитаном всей этой команды был мой отец. Все мы были родственниками, в числе этих людей были сыновья двоюродных братьев отца, ребята-сироты. Задачами этой нашей мужской коммуны были учёба и тренировки. Здесь по сравнению с жизнью в Кировауле дисциплина была кратно больше.

Мы жили мужским коллективом по армейскому казарменному принципу. Готовили, мыли, стирали, прибирались в доме – всё сами.

Весь дом был разбит на участки, следить за порядком на которых, должны были закреплённые ответственные лица. Такие правила ввёл отец.

За нарушение порядка следовала неминуемая расплата: ты либо получал в нагрузку дополнительную работу, либо пинок от отца.

Сколько бы отец не посвящал времени тренировкам ребят, он всегда требовал дисциплины в учёбе. И каждый из нас стремился к тому, чтобы не разочаровывать его. Почему? Потому что очень не хотел получить тумаков от отца.

Позже я понял: дисциплина – фундамент любого дела. Отправляя меня на различные дополнительные занятия, приходя на родительские собрания в школу, папа хотел лишь одного: моего успеха в жизни.

В нашей команде существовала система наставничества: к каждому молодому был приставлен парень постарше. Если у меня проблемы, то перед отцом отвечал он.

Моё всё

Отец был для меня всем. Родным человеком, тренером, наставником, контролёром, надзирателем, мотиватором. Для меня было очень важно соответствовать требованиям отца в той или иной области.

Спорт, семья, религия, учёба – во всём я старался поступать так, как говорит отец и как ему нравится.

Чувства, которые я к нему испытывал, сложно описать на страницах книги, но я постараюсь.

Это был трепет с примесью любви, дружбы, уважения, гордости и страха. Лучшая смесь эмоций.

Главным детским воспоминанием об отце стала его неуёмность. Именно таким я его помню с моих самых юных лет.

Он параллельно занимался несколькими делами. Дома появлялся на мгновения. Всегда был в делах. Мне это нравилось.

Когда мы ещё жили в Кировауле, отец руководил совхозом, тренировал ребят в зале, тренировался сам. Его страсть к спорту простёрлась до того, что он, напомню, продал всё домашнее хозяйство, чтобы отремонтировать и превратить в спортзал здание бывшего сельского клуба.

Отец был центром, а порой и эпицентром жизни нашего села.

Для меня он, конечно, был олицетворением того, кто такой мужчина.

Приведу несколько воспоминаний из детства, чтобы ты, дорогой читатель, смог моими глазами взглянуть на Абдулманапа Нурмагомедова того периода.

Как-то раз мы с мамой были дома. Мы были одни. В дверь кто-то постучал. Мама спросила: «Кто это?» Мужской голос ответил: «Откройте!» Мама сказала, что мужа дома нет и чтобы этот человек пришёл позже, когда дома будет отец. Но незнакомец не уходил. Он сказал, что пришёл срезать нам провода, по которым в наш дом подавалась электроэнергия. Якобы мы не заплатили за электричество. Мама пояснила ему, что это не так и его приход – ошибка, но он залез на столб и начал срезать провода. И тут пришёл отец. Я сразу подбежал к нему и изложил ситуацию. Отец подошёл к столбу и спросил у монтёра, что тот намерен делать. Мужчина на столбе ответил, что он режет провода, отключает нас от электроэнергии. Отец предложил ему слезть. Тот слез. Папа начал говорить с ним, поясняя, что срезать провода нельзя, так как дома есть квитанция об оплате. Разговор очень быстро перешёл на повышенные тона. Запахло жареным. Отец оттянул его во внутренний двор. Я тут же

рванул внутрь дома. Сквозь стёкла одного из окон я видел, как мой отец в буквальном смысле растягивает по земле того человека. Я наблюдал за тем, как мой отец по-мужски разбирается с зарвавшимся наглецом. Стоя у окна, я представлял, что предпринял бы сам, случись мне сейчас быть в драке вместо отца. Электромонтёр по-мужски принял поражение и, поняв, что проигрывает, попросил отца остановиться.

Моей пацанской радости не было предела: папа только что на моих глазах отколошматил ничем физически ему не уступавшего мужика.

Ещё одно детское воспоминание, касающееся отца, связано с неприятным событием – кражей.

Мы только-только начинали строить свой дом в Кировауле, жили во временном вагончике. Как-то раз мама обнаружила пропажу всех своих драгоценностей, переданных ей в качестве приданого и подарков от близких родственников. Папа сразу обратил внимание на то, что окно вагончика, ведущее в спальню, снимали. Он быстро определил, что это могли совершить рабочие, строившие наш дом. Прошла буквально пара дней. Папа нашёл их, отругал, как только можно было, и заставил всё вернуть. Вернули.

Этот эпизод ещё больше утвердил меня в мысли, что с отцом лучше не связываться – влетит. Мне тогда было семь лет. Это были ситуации из нашей семейной жизни, быта, и мне хватило этого, чтобы понять: отец в той или иной перепалке не подарок.

Отдельный блок в моих воспоминаниях об отце связан с футболом.

Папа очень хорошо играл в футбол. Нас с братом он активно к футболу приобщал. Отец всегда был лидером и капитаном.

В середине 90-х годов XX века проходили масштабные по республиканским меркам футбольные турниры. Самым мощным из них был чемпионат Дагестана среди сельских команд.

Отец, конечно, не остался в стороне от этого дела. В селе собралась команда, отец был её капитаном. Для папы поход или поездка на футбол были отдельным ритуалом. Всегда с собой была сумка со сменной футболкой, несколькими полотенцами, холодной водой и так далее. Носить эту сумку папа доверял только мне. Я, словно хвост, цеплялся к отцу каждый раз, когда речь заходила о поездке на матч, неукоснительно выполняя все поручения. Я резко повышал успеваемость в школе – лишь бы он взял меня с собой на игру. Когда рюкзак отца был в моих руках, я чувствовал, что держу как минимум полмира. Все хотели пить, и все знали, что у Абдулманапа с собой есть вода. Вода в сумке, а та – у Хабиба. Они просили, а я не давал. Отец запрещал. Он

говорил, что у каждого есть голова на плечах и, когда этот кто-то идёт на футбол, он может этой головой правильно распорядиться, взяв с собой воду.

Перед каждым матчем у нас дома собирался штаб по подготовке к игре. Отец с сельскими мужиками просчитывали возможные ходы соперника, они готовили схему защиты и нападения, спорили и шумели, но всегда принимали полезное для команды решение.

Само собой разумеется, что, когда речь идёт о сельском футболе, драки являются неотъемлемой частью игры. Драк было очень много. Толпа на толпу. Команда на команду. Село на село.

Помню одну очень занятную историю. Как-то раз наша команда отправилась на игру очередного тура в одно из селений горного Дагестана. На одной из позиций игрок соперника постоянно грубил и жёстко, а порой даже грязно играл в отношении нашего парня, что не осталось незамеченным отцом.

Папа вдруг резко крикнул моему дяде, своему младшему брату Нурмагомеду, чтобы тот переодевался для игры.

Дядя Нурмагомед – на тот момент чемпион мира, чемпион страны по самбо – ответил, что играть не умеет и, мол, ты, Манап, об этом знаешь. Отец буквально озверел и наорал на дядю. Так что у того не осталось выбора: он переоделся и включился в игру. Я понимал, к чему ведёт ситуацию отец. Он поставил дядю на ту позицию, где играл тот наглец из команды соперника. Я сидел и ждал драки, потирая руки. Драка была неизбежной. Тот парень из команды соперника решил прессинговать дядю и получил своё. Дядя его «выстегнул», причём сделал это очень быстро, секунд за десять. И тут понеслось. Толпа на толпу.

Очень хорошо помню подробности этой драки, потому что во время потасовки сновал между рядами и кучками дерущихся, в поисках отца.

Драки на футболе были частым явлением. Несколько матчей могли быть разбавлены тремя-четырьмя приличными потасовками. От матча к матчу, от потасовки к потасовке я с нескрываемым энтузиазмом рассказывал одноклассникам, как в них вёл себя отец. Это было для меня предметом отдельной гордости.

Наша команда дважды, в 1995 и 1997 годах, выиграла чемпионат Дагестана. Вот такие дела.

Я внимательно следил за отцом во всём, что он делал, будь это хозяйство, работа, тренировки, общение с родственниками, друзьями. Я всегда отчётливо прослеживал лидерские качества отца. Конечно, старался походить на него. Наблюдал за тем, как он уходит на пробежку. Специально ждал с утра, когда отец

пропустит кросс. Однако такого не происходило. Он бегал и тренировался всегда. От нас, несмотря насовсем юный возраст, папа требовал того же.

Мы не могли вырасти другими. Видели отца, который своим примером, своими ежедневными действиями демонстрировал нам, что такое трудолюбие и дисциплина, умение терпеть трудности и преодолевать препятствия.

Мы с братом Магомедом – сыновья своего отца Абдулманапа Нурмагомедова.

Жизнь во дворе колледжа

Итак, в одиннадцать лет я переехал в Махачкалу. Столица Дагестана ассоциировалась у меня исключительно с морем. Я был здесь всего один раз до переселения, и это была поездка на море.

К моменту моего приезда старший брат Магомед чувствовал себя здесь как дома. Он учился в дагестано-турецком колледже – одном из лучших учебных заведений республики того периода. Для того чтобы присоединиться к брату, я на отлично сдал все экзамены в Кировауле и с большим нетерпением ждал начала учёбы. Переезд в дагестанскую столицу и для папы стал вызовом, так как он планировал развернуть здесь свою тренерскую деятельность, и мне предстояло освоиться в большом городе.

Мы поселились в арендованном отцом двухэтажном доме прямо во дворе колледжа. Нас было человек пятнадцать. Я был третьим младшим в этой команде. Кто-то из нас учился, кто-то тренировался, а кто-то – и то, и другое. Тот период многое дал моей семье и мне. Это были времена адаптации к жизни в городе. И проходил этот период в основном с помощью кулаков.

На нас смотрели как на отсталых селян. Мы смотрели на них как на дохляков-горожан. Эти флюиды не могли не выливаться в драки. Мы дрались со всеми. Я дрался очень много. Я плохо знал русский язык, не понимал шуток и подколов городских пацанов. А когда чего-то не понимаешь, лучший способ выяснить, в чём дело, – стукнуть городского по башке. Что я с завидной периодичностью и делал.

Сразу у выхода из нашего дома находилось футбольное поле. У нас в доме жило пятнадцать человек – полноценная заявка на футбольный матч. Мы с завидной регулярностью дрались с гостями нашего поля.

Отец очень не любил, когда мы дрались. Проиграли мы или выиграли в драке, отец наказывал нас дома. Причём делал это очень свирепо.

Поступив в колледж, я вошёл в совершенно иной мир. Мне было очень тяжело. Начну с первого дня пребывания там. Как только приехал в Махачкалу, я стал готовиться к первому дню учёбы, а он ожидался уже завтра.

Помню, как отец достал мне пиджак красного цвета. Это был цвет униформы в колледже. Пиджак отличался от одежды остальных ребят: он был темнее оттенком. Его кто-то дал отцу. По всей видимости, денег купить такой, как у всех, у папы не оказалось, и он дал мне этот. На меня впервые надели галстук, тоже часть униформы. Мне нравилось выглядеть солидно. Так я

вошёл в новый для себя мир.

Учиться в колледже мне было сложно, я ощутил это с самого начала. Новая среда, люди, одноклассники – всё было непривычно.

Для меня, сельского парнишки, выросшего среди родственников и односельчан, всё, что происходило теперь вокруг, было просто космосом.

Я иначе стал воспринимать буквально всё.

Даже, казалось бы, братья, которых я знал много лет, оказавшись на одной жилплощади со мной, виделись мне совсем другими людьми.

В колледже моя учёба складывалась из рук вон плохо.

Я не понимал практически ничего из образовательной программы. Из Кироваула я приехал отличником, а тут всё проваливалось.

Проблема заключалась в английском языке, точнее в том, что все предметы в колледже преподавались именно на нём. В Кировауле у нас по программе был один урок английского языка в неделю. Здесь было не просто пятнадцать уроков английского, плюс к этому все остальные предметы преподавались тоже на языке Шекспира.

Меня зачислили в седьмой класс колледжа. Началось изучение химии и физики – тоже на английском языке. Дорогой читатель, ты уже, думаю, понял, что творилось в моей голове в этот период. Хотя нельзя говорить, что я сдался, опустил руки. Нет, конечно. Я старался учиться, ходил на дополнительные занятия, но всё равно в учёбе тогда мало что получалось.

В отличие от школьной жизни, моя уличная жизнь складывалась гораздо успешнее. Я каждый день пополнял свой рекорд уличных боёв.

Дрался я, как уже упоминал, в тот период очень много. Мы с братьями стали серьёзной силой в районе. Никто лишний раз с нами не связывался. Я смело шёл на разборку с любым, понимая, что в случае чего за мной целая футбольная команда, каждый из членов которой при необходимости сделает отбивную из моего обидчика и его дружков. Хотя такого не случалось. Из уличных драк я выходил победителем.

С переездом в город я увлёкся компьютерными играми. Отцу и братьям это не очень нравилось. Но я всегда использовал возможность зайти и поиграть. Очень любил играть в Red Alert. До сих пор при наличии времени играю в неё.

В компьютерные клубы нам было запрещено ходить. Старшие братья из нашей коммуны подобно ищейкам выискивали нас в этих залах, и тогда – пеняй на себя. Тумаков ты отхватывал по

полной, да ещё и по домашнему хозяйству получал дополнительные задания. Поэтому мы, младшие, наловчились и знали, когда можно, а когда нет.

Если на посещение компьютерных залов у нас было табу, то двери другого зала, спортивного, всегда были открыты.

На первом этаже арендуемого нами дома отец оборудовал маленький спортзал. Это было повторение того, что папа соорудил в нашем доме в Кировауле.

Тренировались мы много. Утро – вечер: стабильно.

Я в тот период занимался вольной борьбой. Тренироваться ходил в спортивный зал Школы высшего спортивного мастерства имени Али Алиева.

Кроме тренировок в этом зале, у меня ещё были тренировки у отца. Папа в тот период устроился на работу в дагестано-турецкий колледж.

Занимался он тогда фактически исключительно нами.

Самым старшим из нас был Шамиль Завуров. Сын троюродного брата моего отца. Как к тренеру он попал к Абдулманапу Нурмагомедову в тринадцати-четырнадцатилетнем возрасте. Занимался он в основном вольной борьбой и уже начинал пробовать боевое самбо и ушу-саньда.

Мы, конечно, ориентировались на Шамиля. Он был первым чемпионом из воспитанников отца, проживавших в том доме.

В общем, в районе мы адаптировались. Помню, что рядом с колледжем был сад, относившийся к станции юных натуралистов. Видимо, те самые юные натуралисты так хорошо трудились, что в этом саду росло почти всё: и фрукты, и овощи.

Мы с братьями этот сад освоили и, так сказать, «присвоили». Сад охранялся. Все охранники знали нас. Мы съедали всё, что росло там, и в окрестностях. Помню, у них были собаки, которые какое-то время создавали нам сложности при доступе внутрь, но мы их постоянно прикармливали и впоследствии фактически превратили в ручных.

Вернёмся к учёбе в колледже. В общем, она никак не налаживалась.

У меня были проблемы практически по всем предметам. Поэтому по окончании седьмого класса, после того как я не смог сдать итоговые экзамены, одним из которых был английский язык, отец принял очередное крупное решение: я перешёл учиться в среднюю школу № 38.

Я перешёл в седьмой класс, а не в восьмой, как ты, мой читатель, мог бы подумать. Дело в том, что в школу я пошёл в пять лет и фактически всё время до 38-й школы учился с ребятами, которые были старше меня на год. Теперь же всё встало

на свои места: я начал учиться со сверстниками.

Жизнь, вернее часть её, проведённая в дагестано-турецком колледже, имела для меня, да и для всей моей большой семьи, определяющее значение.

Папа использовал это время для прыжка в своём тренерском развитии. Братья получили возможность учиться и тренироваться в своё удовольствие. А я… А я привык к городу.

На страницах этой книги хотелось бы поблагодарить за помощь, оказанную моей семье и папе лично, одного замечательного человека, настоящего мужчину и товарища – директора дагестано-турецкого колледжа Магомеда Хайбулаевича Хайбулаева. Когда-то он взял и поверил в моего папу, в его стремление стать настоящим тренером и дал возможность всей нашей семье остановиться в том самом доме во дворе колледжа.

Мы любили пошалить

Именно так. Мы любили пошалить, и мы могли это делать. В этом нет ничего страшного и чересчур запретного для ребёнка.

Есть одно «но». Это граница между «пошалить» и «натворить».

Эту границу сразу не рассмотришь, но, заметив раз, пересекать опасаешься.

Я рос активным, как, впрочем, многие сельские ребятишки.

В Кировауле у нас было немного возможностей проявить себя в шалостях. Хотя и там мы находили варианты. Сходить на речку, когда родители не в курсе, загнать скот вечером и вновь ускользнуть на улицу. Мне нравилось проявлять изобретательность в этих направлениях.

После переселения в Махачкалу возможности пошалить стало кратно больше. Здесь я понял ширину и глубину возможных манёвров. Сразу после переезда я окунулся в совершенно неизведанный для себя мир больших улиц, высоких зданий, постоянно мчавшихся куда-то автомобилей и, конечно, разных людей.

На пути моего стремления порезвиться всегда стоял отец. Я для него уже был взрослым. И проявлялось это практически во всём.

Наш образ жизни в 2000–2004 годах ничем не отличался от казарменного, армейского. Постоянная хозяйственная нагрузка по дому, в котором нас жило полтора десятка человек, была будничным, постоянным явлением жизни.

Большая часть забот лежала на младших братьях, плюс установка «старший всегда прав», при которой ты не имел никакого права на оспаривание мнения старшего. Если ты это всё-таки себе позволил, получал дополнительные задания по дому.

Я был третьим с конца по старшинству, то есть младше меня были всего два человека, а каждый из старших шести-восьми братьев в любой момент мог дать мне поручение, выполнить которое я был обязан.

Итого к моменту начала жизни в Махачкале в моей жизни было три основных препятствия, обходя которые я мог чувствовать себя вольготно. Речь о контроле со стороны отца, школе и домашних делах.

Признаюсь, у меня достаточно быстро получилось найти нужные алгоритмы по всем направлениям.

С отцом было очень сложно вплоть до восьмого-девятого классов. Примерно в это время я понял, как лучше себя вести, чтобы, во-первых, угодить папе, а во-вторых, иметь возможность

чаще соскакивать по своим делам. Я научился выгодно для себя преподносить ту или иную информацию, переводить разговор на удобные мне темы.

Тогда я думал, что это моё безусловное достижение. Сейчас, конечно, всё немного иначе. Понимаю, что стал больше хулиганить. Наверное, это и неудивительно: я автоматически исполнял всё, что требовал отец, теперь же…

Как уже отмечалось, новый учебный год я начал в восьмом классе махачкалинской школы № 38. Там мне было полегче. Объяснить это можно только тем, что, обучаясь в колледже, я всё-таки приобрёл, выражаясь бойцовской терминологией, отличную форму. Она помогла мне учиться в простой средней школе. Отец ни на день не спускал с меня глаз: учёба, тренировки, дополнительные занятия по отдельным предметам. Тогда я, конечно, не понимал, зачем мне всё это нужно.

Например, какое-то время мой учебный день начинался в 7:00 с посещения занятия на дому одного из моих учителей по русскому языку и литературе. В семь утра! Ты можешь это себе представить, читатель?! И попробуй опоздай или, что хуже, не приди – папа был готов наказать меня.

Честное слово, я не понимал, зачем мне это было нужно, но ходил. Потому что этого требовал папа.

Чтобы надавать мне тумаков, отдельного повода не требовалось. Однажды я пошёл в школу, и после урока учительница попросила меня остаться. Оказывается, она заметила покраснение на моей шее и решила поинтересоваться, что это такое.

«Это что такое? Что у вас с шеей?» – спросила она меня. Я не успел ей толком ответить.

«Отец?» – спросила она. И тут я подумал: а почему бы и нет?

«Да», – ответил я.

Она тут же позвонила папе и попросила не наказывать меня столь сурово за трудности в учёбе. Папа, конечно, «ушёл в аут» от этого звонка, так как он в этой истории вообще был не при делах.

Шея у меня была растёрта из-за куртки кимоно, которая постоянно упиралась мне в шею при борьбе на тренировках.

Таким вот совершенно нехитрым образом я избавился от назойливой привычки учительницы звонить отцу с жалобами на мою плохую успеваемость.

Схема с шеей работала ещё год практически безотказно.

Такую находчивость мне приходилось демонстрировать как в учёбе, так и в других сферах моей жизни.

Расскажу тебе, читатель, ещё одну историю. Летом мы по утрам бегали на море. Эти кроссы позволяли нам пересекать

практически весь город от гор вниз. Бег мне всегда нравился. Он позволял остаться наедине с собой, а это дорогого стоит. Прибегая на море, мы тренировались. Круговая качка, лежавшая в основе тренировочных методик отца, ждала нас на берегу.

За все наши усилия папа давал каждому из нас немного денег на лимонад, булочку и др. Мы знали это и вместе с братьями нашли, на наш взгляд, гораздо более полезное применение этим деньгам. Получая деньги, мы сразу рвались обратно домой. Однако бежать назад, тем более вверх по наклонной, сил уже не было. Мы приезжали домой на маршрутном такси. Если ты, дорогой читатель, предположил, что деньги, отпускаемые нам папой после тренировки, мы использовали для оплаты проезда домой, то ты ошибаешься. У денег было другое, более сокровенное предназначение.

Мы садились в маршрутку на те места, с которых в любой момент можно было сорваться, и при остановке автомобиля выскочить из него, не заплатив за проезд. Мы делали так неоднократно до тех пор, пока водители не перестали забирать нас с пляжа. Мы с братьями порой заваливались в маршрутку толпой, а на выходе говорили водителю: «Последний оплатит». Однако никто не платил. Как-то раз один наиболее настойчивый в поисках справедливости водитель не поленился и начал разыскивать отца. Конечно, он его нашёл, и отец узнал обо всём.

Ярости папы не было границ. Наверное, он был готов прощать нам всё, но только не обман и мошенничество. Можно было, конечно, сделать скидку на нашу юность. Каждому из нас было по десять-четырнадцать лет, но отец никому скидок не делал. Разозлился он ещё и потому, что сам давал нам деньги. Да, может быть, не очень много, но именно на проезд в случае острой необходимости нам должно было хватить.

Ты, читатель, видимо, гадаешь, а на что всё-таки тратились деньги, получаемые нами от отца? На покрытие долгов в компьютерном зале. Компьютерные игры были ещё одним полем, на котором мы с братьями с большим удовольствием шалили. Но, когда отец узнал о наших проделках в маршрутках и долгах в клубе, нам было уже не до смеха. Отец быстро прикрыл нашу лавочку находчивости, отбив у нас желание и с водителями такси играть в догонялки, и рубиться в Red Alert.

В клубах мы так же, как и на футбольном поле, чувствовали себя хозяевами положения. Мы приходили с братьями, в основном я ходил с Абубакаром, и искали свободные компьютеры. Если же таковых не было, мы присматривали себе «жертву обстоятельств». Происходило это так. Сидит парень, спокойно играет. Подходит Абубакар и спрашивает:

– Сколько тебе ещё осталось играть?

– Час, – отвечает мальчик.

– Дай я сделаю один бой, не жалко? – говорит Абубакар.

– Конечно, нет, – следует от мальчика, и мой брат присаживается на скамью рядом с этим парнем.

Один бой плавно переходит в другой, в третий и так далее. Мальчик мог сказать: «Ну хватит, отдай джойстик», на что получал оплеуху от Абубакара, сопровождающуюся словами: «Твоё время вышло. Gameover».

Я, безусловно, не утверждаю, что всё это хорошо. Нет, конечно. Сейчас мне за эти маленькие пакости стыдно и неудобно перед всеми теми людьми. Однако с тобой я этим делюсь. Тогда мы полагали, что это всё – само собой разумеющиеся процессы.

Однажды наша любовь к шалостям чуть не стоила нам, братьям и друзьям, свободы или даже, может быть, жизни.

Как-то раз мы решили прокатиться на автомобиле. Это была старая тачка, модель которой в России называют «копейка». Нас было очень много, и мы сразу поняли, что все не поместимся. Однако это не стало препятствием для нас. Мы попробовали протиснуться внутрь, но стало очевидно, что у всех это сделать явно не получится. Мы приняли из ряда вон выходящее решение: я вылез из салона, обошёл машину, залез на багажник, лёг животом на заднее стекло, обхватив крышу, и вцепился в дужки предусмотрительно открытых друзьями окон автомобиля. Один из наших товарищей сделал то же самое, что и я, но только на лобовом стекле. Представьте себе картину: «копейка» с полным салоном пацанов, с двумя персонажами на переднем и заднем стёклах, с подрезанными пружинами, свисающим и бьющимся об асфальт глушителем мчится по улицам Махачкалы.

Безусловно, мы не остались незамеченными. Часть прохожих смеялась и аплодировала нашей находчивости, вторая – в недоумении отходила подальше. В общем, мы привлекли к себе внимание. В том числе внимание полицейских, дежуривших неподалёку. Они бросились в погоню за нами. Хозяин машины, сидевший в тот раз на пассажирском сиденье, заставлял нашего рулевого нажимать на педаль акселератора и ни в коем случае не сбавлять оборотов.

Как ты помнишь, читатель, я находился не в салоне. Меня швыряло из стороны в сторону и подбрасывало так, что я в любой момент мог улететь. Однако наш водитель не сбавлял темпа.

Вскоре преследовавших нас машин стало уже две, а затем три, чуть позже – четыре. В один из моментов мы на полном ходу попытались преодолеть искусственное сооружение для гашения скорости, которое в народе именуется «лежачка».

Затея стоила нам вырванного карданного вала и, соответственно, остановки. Мы бросились было врассыпную, но были заблокированы. Сотрудники полиции стали «крушить» наших пацанов. Мы всеми правдами и неправдами вырывались. Это, в конце концов, получилось сделать: мы красноречиво пояснили сотрудникам, что мы не знали, не хотели, не то имели в виду. В общем, это был стандартный набор отговорок и отмазок, которые, между прочим, сработали. Одного нашего парня полицейские всё-таки забрали, и мы начали искать варианты и пути его вызволения. Сошлись на курице. Курица-гриль. Да-да, всё верно понимаешь, дорогой друг. Мы оперативно приобрели курицу-гриль и подъехали к отделу полиции для разговора. Нашей главной надеждой было то, что они ещё не прибыли, и нашего товарища получится вызволить ещё до входа в отдел. Так оно и случилось. Мы уговорили парней в форме, отдали им наш презент и забрали товарища. Вот так порой складывалась наша детская и уже юношеская жизнь в Махачкале. В ней было много нового для меня, интересного для всей нашей братской толпы.

За нашей адаптацией в большом городе присматривал целый отряд контролёров и ревизоров, командиром которого был не кто иной, как папа и друг – Абдулманап Нурмагомедов. Он внимательно следил за всем, что со мной происходило. Однако даже в этом режиме я ускользал и совершал разные, порой совершенно бесшабашные поступки. О некоторых из них я и сейчас, по прошествии двенадцати-пятнадцати лет, конечно, сожалею, однако вспоминаю с улыбкой.

Семья

Начав повествование о своей жизни, я писал о семье и устоях общества, в котором вырос. Большие семьи, уважение младших к старшим, забота о стариках, женщина – хранительница домашнего очага – вот основные, как сейчас модно говорить, тэги, на которых я вырос. Каждый день моей сознательной жизни в семье укреплял меня в мысли об её глубоких основах. Прежде всего, я видел, как жили, общались, принимали решения мои родители. Папа – защитник семьи и добытчик пропитания; мама – наполненная нежностью и заботой к нам, своим детям, хранительница очага. Вот что сохранилось в моём сознании о семейной жизни.

В становлении моей семьи было много разных ситуаций и трудностей как материального, так и духовного характера, но при их решении я всегда видел единство родителей. Все правила в жизни в семье, безусловно, определялись отцом. Все цели, которые семья ставила перед собой, обозначались отцом. Я привык к такому традиционному и патриархальному семейному бытию. Первенство отца определялось во всём, и очень редко ему, папе, приходилось что-то дополнительно объяснять маме. Мама, безусловно, обсуждала с отцом те или иные варианты решения бытовых семейных вопросов, однако окончательное решение всегда оставалось за папой.

Я очень хорошо помню ситуацию, сложившуюся в семье накануне переезда из Кироваула в Махачкалу.

Папа, почувствовавший и понявший свои перспективы в большом городе, хотел переехать мгновенно, продав дом и нажитое за прошедшие годы хозяйство. Мама не хотела этого делать, предлагала отцу оставить хоть на какое-то время точку опоры в селе: дом, который они в молодости строили вместе. Однако отец принял решение продавать, и мама, видимо, поняв бесперспективность сопротивления, смирилась.

Эта ситуация, на мой взгляд, очень ярко иллюстрирует не только жизнь моей семьи, но и традиционный уклад нашего общества. Женщина уважается и почитается, её мнение, безусловно, берётся во внимание при тех или иных раздумьях, однако окончательное решение остаётся за мужчиной и только за ним. С детства я привык к взаимному уважению между родителями и соблюдению ими всех постулатов совместной супружеской жизни, переданных нам предками.

Родители подарили мне старшего брата Магомеда и младшую сестру Аминат.

О брате. Магомед, как я уже упоминал, старше меня на два года. Он всегда отличался спокойным, уравновешенным нравом. Это меня в нём постоянно привлекало. Брат всегда был рядом со мной, когда я нуждался в нём. Это началось с раннего детства и продолжается сейчас. Хотя мы с ним в раннем детстве, а затем в школьные времена не очень много времени проводили вместе, в моём сознании образ брата всегда занимал одно из центральных мест.

Обучаясь в Махачкале, он приезжал домой в село в обеденное время в субботу и уезжал на занятия утром в понедельник. В течение недели, в случае если я конфликтовал в школе с мальчиком чуть старше меня и понимал, что не совладаю с ним в драке, я предлагал ему выяснить отношения с моим братом. Помню, что даже составлял списки таких вот своих обидчиков, чтобы никого не забыть. Брат приезжал в конце недели, и мы вместе ходили по адресам тех парней.

Магомед в детстве подавал много надежд. Это касается и учёбы, и спорта. Он усердно тренировался, исправно учился. Причём и в учёбе, и в тренировках превосходил меня. Всему причиной был его характер. Он очень любил лидировать во всём, чем занимался.

Магомед являлся моим постоянным соперником в семейных соревнованиях, которые устраивал отец у нас дома. Эти старты включали в себя подтягивания, отжимания, подъёмы корпуса на пресс, забеги. Отец поддерживал меня, так как я младше. В любой схватке с Магомедом против меня играли два года разницы в возрасте. Долгое время эти братские соревнования заканчивались безусловными победами Магомеда.

Но постепенно я стал обходить брата. Да, с неимоверным трудом, но всё-таки обходил. С определённого времени у меня стало получаться конкурировать с Магомедом. Брату, конечно, это не нравилось. Он упирался, как мог, но я уже набрал крейсерскую скорость в своём физическом развитии, и она была выше скорости брата.

Магомед гораздо справедливее меня. По крайней мере, я понял это из нескольких ситуаций моего детства. Например, однажды мы с двоюродным братом Абубакаром повздорили с одним парнем, нам тогда было по двенадцать-тринадцать лет, а он был сверстником брата. Тот парень был крепок физически, и одолеть его сразу у меня не получилось. Когда наблюдавший за дракой Абубакар понял, что мне с тем парнем сложновато, он ввязался в драку, и вдвоём мы уделали противника. Брат узнал об этом. Его ярости и разочарованию просто не было границ. Он избил нас и обругал последними словами. Магомед

патологически не переносил несправедливости. Ситуация, о которой я рассказал, была крайне несправедливой. Брат вышел на связь с тем парнем, они договорились встретиться. И, как я понял, пообещал тому, что в случае необходимости готов ответить за наш поступок в любой удобной форме.

Этой формой, конечно же, стала драка. Брат пришёл в назначенное место и буквально приказал нам с Абубакаром отойти на довольно приличное расстояние и оставаться там до развязки. При любом раскладе мы не имели права приближаться.

Я стал свидетелем того, как брат отвечает за неверный поступок, совершённый нами. Магомед дрался с тем парнем очень долго. Ему было тяжело, так как соперник был чуть больше него, к тому же находился в отличной форме. Брат справился. Я это видел. И то, что я наблюдал, напомнило мне, как папа разобрался с тем электромонтёром. В этом поступке весь мой старший брат Магомед.

Он старший сын моего отца, поэтому папа имел на него свои виды в дальнейшей жизни.

Как я уже неоднократно говорил, старший младшему – закон.

Так было и есть в наших взаимоотношениях с братом.

Если кто-то и должен был продолжить спортивную историю отца в нашей семье, так это старший брат. Он очень основательно подходил к тренировочному процессу. Его уважительное отношение к спорту проявлялось буквально во всём: в подготовке к тренировкам, в работе в зале, в анализе своих плюсов и минусов. Занимался брат вольной борьбой. Причём достиг неплохих результатов для своего возраста. Однако, столкнувшись с необходимостью выбора между учёбой и спортом, Магомед выбрал первое. Он двигался в учёбе неменьшими, нежели в спорте, шагами: на «отлично» окончил дагестано-турецкий колледж, поступил на экономический факультет университета, который через пять лет окончил с красным дипломом. Брат владеет английским, арабским и турецким языками, очень любит математику и физику, никогда не отказывается от возможности почитать книгу.

Магомед реализовался в жизни: он отец четверых детей, хороший специалист, кандидат в мастера спорта по вольной борьбе. Несмотря на свои способности и возможности в жизни, я всегда полагался и полагаюсь на брата абсолютно во всём. Он всегда был и остаётся моей опорой.

Сестра Аминат младше меня на два года. Она, так же, как и я, училась в дагестано-турецком колледже, а затем в школе № 38 г. Махачкалы. Сестра получила высшее образование. Она вышла замуж и сейчас радует своей семейной жизнью всех нас, являясь

матерью троих детей.

Рассказывая о семье, не могу не окунуть тебя, друг, в атмосферу моих взаимоотношений с дедушками и бабушками. Я очень любил их. Лучше всего мне удавалось общаться с дедушками. Мой дедушка со стороны матери умер, когда мне было пятнадцать лет. Это был 2003 год. Я не успел насытиться общением с ним. В 2004 году умерла бабушка по материнской линии. В 2005 году не стало бабушки по отцу.

Вот так, за три года, подряд ушли те, кого я любил. Возможно, я не смог по-взрослому оценить время и общение с ними, но я любил их. Когда они уходили, я понимал, что не смог сполна ощутить их благое присутствие в своей жизни.

У меня остался дедушка по отцу. Я стараюсь по мере возможностей постоянно быть с ним. Потеря бабушки и дедушки осела в моём сознании крепко, и я твёрдо решил, что с дедушкой Магомедом у меня всё будет иначе.

Каждый период своего пребывания в Дагестане я стараюсь проводить с ним максимум времени. Обязательно приобретаю ему одежду, какую-либо особенно вкусную еду. Эти отношения с дедушкой начались в раннем детстве, когда мы ещё жили у него, пока строился наш дом.

В отличие от всех других братьев, я умел найти к дедушке подход. Они всегда просили у него то одно, то другое. Я же сначала выяснял, как его дела, настроение, что его беспокоит в данный момент. Решение своего вопроса с ним я оставлял на самый конец общения. Например, всегда следил за тем, когда дедушка получал пенсию. Сразу после этого я под любым предлогом подходил к нему, заводил беседу на отвлечённые темы и в конце обязательно просил себе деньжат. Дедушка никогда не отказывал, если у него были деньги. Безусловно, он понимал, для чего я подхожу с разными темами, однако всегда очень мудро улыбался и отпускал меня с тем, за чем я пришёл.

Я очень хорошо общался и с сестрой моего дедушки. Она была вдовой. Детей у неё не было. Относилась тётя (я называл её именно так) ко мне всегда хорошо. Каждый день по пути в школу или обратно я обязательно заглядывал к ней. Предлагал помощь по хозяйству. Решал некоторые вопросы, разобраться с которыми в одиночку она была не в состоянии. Поэтому и она периодически благодарила меня монетой-другой.

Семья и родные – это то, что играло и сегодня играет определяющую роль в моей жизни.

Мой уличный рекорд

Как-то раз в одном из интервью я сказал, что мой уличный рекорд гораздо больше и солиднее, чем он же в профессиональном ММА.

Так оно и есть.

Дрался я много. Дрался часто. Дрался, признаюсь, с удовольствием.

Когда я жил в Кировауле, драки со сверстниками случались, но их было не так много. В них я участвовал с большим желанием. Бывали случаи, когда мне приходилось иметь дело с парнями старше меня. В этих ситуациях, как я упоминал, на выручку приходил старший брат.

Драк стало гораздо больше сразу после переезда в Махачкалу в 1999 году. Это объяснялось многими причинами, которые я тоже упоминал, но повторю вкратце. Одиннадцатилетний сельский мальчишка приехал в большой город, населённый уймой самых разных людей. Я очень слабо знал русский язык. В селе мы в основном говорили на родном языке. По-русски говорили в школе, а дома и в быту – на аварском. В городе я начал сталкиваться с ухмылками и ироническими взглядами городских. Городские, воспринимали нас как отставших, и ничего, ни в чём не понимавших селян. Мы же, наоборот, смотрели на них как на людей, никогда не видевших настоящую жизнь. Они для нас были слабаками. Кулаки сразу стали для нас веским аргументом в любом общении. Посмотрел городской не так, сказал не то, подшутил неудачно – я сразу бросался на парня и превращал его в отбивную. Сейчас, конечно, сожалею о том, что тогда совершал, осознаю, что всё это было простым столкновением мировоззрений. Тогда же всё виделось иначе.

Короче, я был «быком», как говорят у нас в Дагестане. Дрался почти каждый день. Бил всех, кто не нравился. Один в драке не тянул – подключался младший двоюродный брат Абубакар. Вдвоём уделывали кого угодно, даже если противников было чуть больше.

Все драки в моей жизни того периода можно условно разделить на несколько блоков: в колледже, на улице, на футболе. Порой бывало так, что в день мы дрались по три раза: утром, в обед и вечером. В колледже драться запрещали. Однако желания уделать того или иного наглеца всегда было предостаточно.

В этом желании мы совпадали с двоюродным братом Абубакаром. Он учился на класс младше меня, не в колледже, а в

соседней школе № 38. У него не было никаких ограничений в том, чтобы выяснить с кем-либо отношения. Я же тогда действовал как «серый кардинал»: иногда просил Абубакара надавать тумаков тому или иному пареньку. Надо сказать, что брат это делал с нескрываемым удовольствием и с отменным качеством.

Отцу сообщали тут же, мгновенно. А за этим, как ты, читатель, уже догадался, следовали соответствующие «санкции».

Помню историю. Один парень из нашего класса как-то резко отреагировал на мои слова. Эта реакция мне, соответственно, не понравилась, и я, опасаясь наказания отца за драку с ним, попросил брата «решить» все вопросы. Абубакар, видимо, не рассчитал свои силы и дал ему так, что тот ударился головой о подоконник и рассёк себе голову. Конечно, поднялся вселенский скандал, а информация о произошедшем быстрее быстрого дошла до отца. К нам домой пришли люди… Реакция папы была именно такой, какой ты её, мой друг, наверняка представил.

Я, безусловно, понимал, что драки – это плохо, но они будто преследовали меня.

Конечно, всему виной был мой собственной характер. Я просто не допускал в отношении себя того или иного действия, которое вызывало бы во мне смятение или непонимание. Ответом на любое недопонимание был кулак. Такую уверенность в себе мне в первую очередь давало понимание, что сам я в любом столкновении способен на многое, а в случае чего за моей спиной целая футбольная команда, способная «растянуть» любую группу без проблем.

С течением времени драк и стычек становилось всё больше. Теперь улица стала основной ареной для подобных действий.

Уйдя из колледжа, я получил гораздо большую свободу в плане драк. Конечно, каждый раз передо мной маячил образ отца, однако с возрастом меня это останавливало всё меньше.

Прошу, дорогой читатель, не подумай, что инициатором всех стычек и потасовок был исключительно я сам. Нет. Порой обстоятельства складывались таким образом, что не ввязаться в ту или иную ситуацию я не мог: обижали друзей, одноклассников, видел несправедливость со стороны каких-нибудь наглецов – вот и случались потасовки.

С каждой новой дракой я понимал, что рано или поздно это может закончиться для меня очень плохо. Я отдавал себе отчёт, что такой образ жизни – явно не то, что мне нужно. Папа и мама воспитывали меня в совершенно иных традициях. Однако город и жизнь в нём делали своё дело. Не отбиваться от назойливых попыток твоих сверстников заставить тебя смириться с чем-то,

согласиться на что-то сомнительное или неприемлемое, принять то или иное непонятное условие – всё это не для меня.

При таком раскладе моим ответом был удар. Отец объяснял такое течение моей жизни в тот период плохим влиянием, оказываемым на меня друзьями. Одним из таких друзей был Гусейн.

Гусейн стал моим первым другом в Махачкале не из круга братьев. Признаюсь, отношения с Гусейном открыли мне одну истину, на тот период, казалось, непостижимую: оказывается, дружить можно не только с братьями.

Гусейн был хорошим спортсменом. Прилично боролся по правилам самбо в куртке. Он уделывал меня на тренировках, хотя был меньше меня. В вольной борьбе тягаться со мной он не мог, а вот в самбистской куртке был очень хорош. Я сразу сблизился с ним. Мне нравилось проводить время в его компании. Он был маленьким, юрким пацаном с сердцем льва. Эти его смелость и бесшабашность, видимо, меня в нём и подкупали.

Вместе мы находились очень часто. Дрались мы вместе тоже нередко. Отец не одобрял мою дружбу с Гусейном, утверждая, что мы друг на друга слишком плохо влияем.

Однажды мы с Гусейном чуть было не попали в большую беду. Мы стояли на одном из «пятачков» в своём районе. И тут Гусейну позвонили наши общие знакомые и сказали, что кого-то из наших парней обидели, поэтому нужно «подтянуться» в парк. Мы пошли в парк, присоединились там к нашей толпе. Нас было человек пятьдесят. Все мы, конечно, были настроены надавать любому, кто придет. Время шло, а наши соперники всё не появлялись. Вдруг несколько наших пацанов ринулись в сторону одной из магистралей, идущих мимо парка. Мы побежали за ними. Как оказалось, наши парни ринулись за разведчиками, которые были подосланы оппонентами. Они буквально влетели в такси в надежде всё-таки ускользнуть от погони, но наши парни их настигли. Прямо в машине тех пацанов побили. Сильно побили. Я дал пацанам установку заблокировать машину со всех сторон. Мы начали просто оттаскивать своих ребят от той машины. Мне было неприятно и жалко смотреть на тех, кто сидел и получал тумаки прямо в машине. Остановить и усмирить толпу было чрезвычайно трудно. Однако получилось.

Вдруг один из тех, кто бил сидевших в машине, резко кинулся в сторону одного из наших друзей и начал душить его. Через какое-то время мы увидели нашего товарища лежащим практически без чувств поперёк тротуара. Из разбитой головы текла кровь. В пробке, образовавшейся во время драки, мы нашли карету «скорой помощи». Его госпитализировали.

Это стало для меня шоком. Я просто кричал. Кричал, чтобы мне нашли обидчика нашего друга. Мусу привели в порядок. Однако теперь для меня было гораздо важнее найти нашего обидчика. У меня в голове не укладывалось, как он мог побить парня, который пришёл защищать его интересы.

Как оказалось позже, причиной случившегося стало непонимание из серии «свой/чужой»: несмотря на то, что все мы были, как говорится, по одну сторону баррикад, просто не знали, кто за кого в той заварушке.

Через друзей и знакомых мы вышли на старшего брата искомого парня. Я сказал ему, чтобы он вёл брата ко мне. Я уже готов был разорвать его за такой поступок. Мы встретились у школы № 15 в Махачкале. Попросили у сторожа ключ от спортивного зала. Зашли внутрь, закрыли дверь, встали в круг. Я таскал его по полу, бил, душил, чуть не сломал ему руку. В толпе я увидел Мусу, местью за которого и было всё, что в этот момент происходило. Я крикнул Мусе: «Муса, что с ним ещё сделать?!» Нужно отдать должное тому парню: он очень достойно принял поражение. Он отошёл в угол зала и уселся там. Я подошёл к нему и в разговоре вновь спросил, почему он так поступил с нами. Он ответил, что не знал, кто этот парень, которого бил в тот день. Я сказал Мусе, что он сам должен подраться с тем парнем. Спустя месяц мы собрались в парке, чтобы Муса подрался. Он подрался. Мы решили, что конфликт исчерпан.

Дорогой друг, это всего лишь несколько эпизодов из моей юности. Ты, наверное, уже представил меня того времени – мальчишку, переехавшего из села жить в большой город, который тут же захватил меня и бросил в вихри уличных разборок.

Неизменными в моей жизни того периода оставались всего несколько вещей: семья, спорт, а также существовавшее с детства и всегда сопровождавшее меня непреодолимое стремление быть лучшим в том деле, которым занимаюсь.

Всегда приходится выбирать

Учёба никогда не была моим коньком. До сих пор не могу сам себе объяснить, почему, но так и было.

После интересных лет жизни и учёбы в Кировауле получение образования в Махачкале стало для меня настоящей каторгой. Ты, дорогой друг, уже в курсе, что учёба в дагестано-турецком колледже мне не удалась. Мне было очень трудно. Я усердно занимался, не пропускал ни одного занятия, но ничего не получалось. За плохие результаты в учёбе отец меня, мягко говоря, не хвалил, поэтому напряжение в доме, связанное с моей успеваемостью, возрастало. Из колледжа я вынужден был уйти ровно через год после поступления.

Отец принял решение перевести меня в обычную среднюю школу. Это, напоминаю, была школа № 38, которая находилась неподалёку, поэтому очень подходила нам. Казалось бы, я должен был с радостью и удовольствием перейти и учиться, но мне вновь было сложно.

«В чём же новая сложность?» – спросишь ты.

В очередной смене декораций вокруг меня.

Менее чем за год я перескакивал уже на третью социальную орбиту. Знаешь, каким бы шустрым и активным я ни был, но я ещё оставался ребёнком, которому нелегко менять обстановку вокруг себя.

К моменту перехода в 38-ю школу там уже учились четыре моих двоюродных брата – Асхаб, Умар, Абубакар и Алимагомед. Они учились в третьем, пятом и одиннадцатом классах.

В общем, ко времени моего перехода фамилия Нурмагомедовых в этой школе была широко известна. Учителя появление на горизонте пятого Нурмагомедова восприняли, мягко говоря, без особого энтузиазма. С этим я связываю отчасти предвзятое отношение ко мне с их стороны. Тогда я удивлялся и возмущался по этому поводу, а сейчас сожалею. Братья сделали если не всё, то много для того, чтобы Нурмагомедовых в школе невзлюбили. Особенно в этом преуспел Абубакар. Он рушил всё и вся в этой школе. Ни дня брат не проводил без драки. Это был его фирменный почерк. Он учился в пятом классе, то есть на два класса младше меня, но шороху наводил не только в своей параллели, но и среди ребят постарше.

Опасения учителей по поводу усиления отрицательного влияния на положение дел в школе клана Нурмагомедовых оправдывались систематически. Однако я стремился делать всё от меня зависящее, чтобы подровнять реноме. Получалось с трудом,

но я старался. Старался потому, как другого выхода у меня не было: дома ждал отец.

После осечки в колледже я не имел права подводить папу здесь. Тем более что программа в 38-й школе была на несколько порядков легче. Я отличался от братьев в отношении к учёбе. У меня не было выхода, кроме как заниматься. Иначе тумаков от папы было не избежать. Он постоянно контролировал и меня, и братьев. Однако моё трепетное отношение к нему влияло на результаты в учёбе куда лучше, чем страх перед ним моих братьев.

Учителя через какое-то время стали отмечать более высокий уровень моего обучения, нежели они наблюдали у братьев. Сыграл фактор семейного образования, который очень активно использовали родители в работе со мной в детстве. Спрос за учёбу со стороны отца с меня был двойным по сравнению с братьями. Именно поэтому я и не рисковал лишний раз получать нагоняй от учителей либо отрицательные отметки. Таким образом, привычка отца нагружать меня учебными заданиями даже дома серьёзно помогала мне в школе. Во-первых, я не походил на заядлого двоечника, так как все учителя видели, что я стараюсь. Во-вторых, используя подобную технологию в работе со мной, отец научил меня учиться.

Приблизительно к концу первого полугодия школьных занятий учителя поняли, что этот Нурмагомедов, то есть я, от всех остальных отличается.

Мой режим в тот период абсолютно обоснованно можно назвать гипернапряжённым. Вот как он выглядел:

07:00–08:30 – зарядка;

08:30–10:00 – дополнительные занятия по русскому языку и литературе;

10:00–11:30 – сон, отдых;

11:30–12:30 – выполнение школьных заданий на дом;

12:50–16:30 – занятия в школе;

17:00–19:00 – тренировка в зале.

Это двенадцать часов в сутки. И так шесть дней в неделю. Колоссальные нагрузки. Причём как интеллектуальные, так и физические. Но я не жалуюсь. Именно такая железная дисциплина хоть как-то сдерживала меня от желания похулиганить. Хотя, признаться, делать это я умудрялся, даже несмотря на жесточайший контроль и дисциплину.

Частенько стремление «зажечь» было не моим. Инициатива исходила от Абубакара. Признаюсь, 80 % передряг, в которые я попадал, были за «авторством» брата. Сам я, как ты уже понимаешь, читатель, паинькой не был, но Абубакар – это нечто.

Итак, восьмой и девятый классы я отучился в 38-й школе. В это время мне очень нравилась география. Помимо неё я любил заниматься историей. Причём такое отношение к истории мне привила учительница. Большие проблемы в этот период были с химией, физикой, алгеброй и геометрией. Во-первых, я на самом деле не понимал сути большей части материалов по этим предметам; во-вторых, мне очень не нравились учителя, которые нам их преподавали.

Они и сами не скрывали, что недолюбливали меня. Я тоже в долгу не оставался.

Я ценил отношения с одноклассниками. Они были крепкими, искренними и, как оказалось, долгими. Некоторые люди, с которыми я знакомился и дружил в этот период, пошли со мной и дальше по жизни. Например, мой одноклассник Джамбулат остается рядом со мной до сих пор.

Я, как говорится, «притёрся» к учителям и одноклассникам, они поняли, что я собой представляю. Всё это позволяло мне чувствовать себя крайне комфортно. Я никогда не ставил себе целью непременно учиться хорошо и отлично. В школе делал ровно столько, сколько позволяло мне получить свои тройку-четвёрку, и считал, что жизнь удалась. Это было моим кредо, так как в это время я осознавал: учёным вряд ли когда-нибудь стану, а заморачиваться на цифрах, выставляемых в журнал и дневник, – это не моё.

По завершении девятого класса дома встал вопрос о продолжении учёбы. Нужно было понять, что мы делаем дальше: идём до одиннадцатого класса в школе или поступим в колледж для получения среднего профессионального образования. Мы выбрали второй вариант. Мой дядя Али предложил устроиться в Махачкалинский финансово-экономический колледж. Директор этого учебного заведения был другом дяди, да и у самого колледжа была положительная репутация.

Сейчас, оглядываясь назад, я, признаться, немного сожалею, что не доучился полных одиннадцать лет в школе. Однако сказать «нет» было невозможно. Старшие решили, а твоя задача – выполнять. Я сказал отцу, что, если он принял такое решение, – исполню, но в душе я этого не хотел. Папа сказал, что поступать нужно. Хотя к этому времени в школе у меня было всё в порядке.

Итак, в 2004 году я стал студентом.

Студенческая жизнь мне не то чтобы не нравилась, но я от неё явно не фанател. Объясню почему. В школе моя жизнь шла словно швейцарские часы, я привык к этому ритму, каким бы сложным он ни был. В колледже мне только предстояло всё разузнать, проанализировать и придумать, как бы мне жилось с

удовольствием.

Переход в колледж совпал с другим важным периодом в моей жизни. Это так называемый переходный возраст.

Когда тебе четырнадцать-семнадцать лет и твой организм перестраивается, в любом случае меняешься. Вот я и стал меняться. Драк и разборок в моей жизни было ещё немало, но становилось меньше, так как я просто-напросто пересмотрел своё отношение к ним. Мне всё больше нравилось вести себя сдержаннее. Ты представляешь, читатель, как это было по нраву моему отцу! Потасовок внутри колледжа было очень мало. Почти так же дело обстояло и на улице, хотя здесь я ещё мог дать себе волю.

Специальность, на которую я поступил, называлась «Финансы и право». Мне она не нравилась. Наверное, потому, что поступал я сюда не по своему желанию и убеждению, а по решению отца и дяди.

Прошло чуть более полугода, как я освоился и здесь. Больших проблем в учёбе не наблюдалось, хотя элементы неуспеваемости присутствовали. В основном это были алгебра, геометрия и физика, то есть мои «любимые» предметы ещё со школьной скамьи. Отец, как всегда, болезненно реагировал на мои неудачи в учёбе. Однако он уже знал и мою позицию в отношении продолжения обучения. Суть этой позиции была предельно проста: учиться я не хотел.

Дома в разговорах с отцом я говорил об этом. Для него, человека с высшим образованием, слышать от меня такое было, конечно, полной ересью. Однако я был настойчив. На этой почве папа даже пару раз «наехал» на меня. Но и он уже понимал, что учёба меня не привлекает.

Вопрос о продолжении моего образования серьёзно встал по завершении первого курса. Я обратился к отцу с просьбой перевести меня на заочное отделение колледжа. Отец понял меня: он сказал, чтобы я доучился на очном отделении первый семестр второго курса, и если моё мнение относительно продолжения обучения не изменится, он заберёт меня. Я сделал всё, как сказал отец: завершил обучение в первом семестре второго курса и вновь стал просить его перевести меня на заочное отделение.

Тебе, читатель, видимо, уже понятно, что причиной моего нетерпения был Его Величество Спорт.

Я взрослел в спортзале. Абдулманап Нурмагомедов-тренер к этому времени (а на дворе уже стоял 2004 год) был, что называется, «на ходу» и получил звание заслуженного тренера России, «выпекал» в своём зале чемпионов, словно пирожки.

Я не хотел оставаться в стороне от этого процесса. Совмещать

дальше учёбу и спорт не представлялось возможным. Приходя после утренней тренировки на занятия, я падал, просто вырубался и засыпал прямо за партой в аудитории.

После занятий шёл в зал уже на вечернюю тренировку. В этот период я уже вкалывал в зале как профессиональный атлет.

Наверное, можно было бы как-то завершить учёбу на очном отделении в колледже. Сослагательное наклонение здесь обусловлено тем, что я не любил учиться, и любил спорт. Если бы мне нравилось и то и другое – уверен, я справился бы с работой «на два фронта». Однако мне безумно хотелось заниматься спортом, выезжать на организовываемые в то время отцом сборы и, конечно, выступать на соревнованиях.

Я хотел быть честен перед отцом и собой. Я выбрал спорт. И не жалею об этом!

Тренер-наставник

В Кировауле, где прошло моё раннее детство, я занимался вольной борьбой. Так, в принципе, росли и растут многие ребятишки в Дагестане. Тренировались мы, то есть я и братья, у моего отца, который, напомню, отремонтировал старый сельский клуб и превратил его в добротный спортивный зал.

Папа тренировал сельских ребят и парней из других поселений Кизилюртовского района. У него, надо сказать, неплохо получалось! Из этого зала вышли несколько чемпионов Дагестана и призёров соревнований более высокого уровня.

Мои занятия спортом долгое время были для меня делом несознательным, совершаемым скорее потому, что так хотел отец. Может быть, именно в этом и кроется какая-то частица моих мало-мальски серьёзных достижений в спорте. Я говорю о дисциплине, обусловленной волей отца. Отец требовал – я делал. Может быть, не всегда «догонял», для чего это нужно, но делал.

Мы все боролись. Мы занимались вольной борьбой.

После переезда в Махачкалу ничего не изменилось: все мы ходили на секцию по вольной борьбе, только теперь тренировались в школе высшего спортивного мастерства, носившей имя легендарного советского борца-дагестанца Али Алиева. Ходить на тренировки в этот зал было одновременно и достижением, и большой ответственностью. Достижением это являлось потому, что в этой школе работали фактически лучшие специалисты республики. Ответственность же на меня накладывало то, что отец всегда с воодушевлением говорил, какую положительную роль в спортивном, борцовском становлении каждого из нас сыграют тренировки под руководством таких корифеев тренерского цеха, как, например, Маирбек Юсупов. Поэтому халтурить и «сачковать» на этих занятиях не было абсолютно никакого желания.

С отцом мы работали в спортивном зале дагестано-турецкого колледжа. Отец и в Махачкале тренировал только нас. Таким образом, наш спортивный десант в количестве двенадцати-пятнадцати человек перемещался из одного спортивного зала в другой.

Мы, по большому счёту, ничем не отличались от тысяч таких же парней с сумками наперевес, метавшихся по спортивным секциям в Махачкале.

Папа всегда выступал за чистоту экспериментов, то есть за то, чтобы мы занимались исключительно вольной борьбой. Послабление в этом смысле имелось только для тех, кто

параллельно с борьбой выказывал интерес к дзюдо. Связано это было с тем, что дзюдо являлось вторым важнейшим спортивным увлечением отца. С этим видом спорта у папы вообще сложились очень странные отношения. Папа считает, что этот вид ему лично многое должен. Должен победы, медали и пьедесталы. Чуть ниже, читатель, я расскажу тебе об этом подробнее.

Итак, вольная борьба.

Хорошо боролся мой старший брат Магомед. Он несколько раз претендовал на призовые места в первенствах и чемпионатах Дагестана. Отца это, безусловно, радовало. Магомед выполнил несколько спортивных нормативов, выиграв серьёзные старты. Это было хорошим, большим достижением для всей семьи. Отец был доволен. Как я и писал чуть выше, в нашей семье на успешное спортивное будущее всегда нацеливали именно Магомеда. Безусловно, отец не меньше, а порой значительно больше занимался мной, но Магомед в этом смысле был фаворитом.

Тренировки с отцом в дагестано-турецком колледже случались дважды, трижды в неделю. Продолжалось это до 2003 года, когда папа задумался об открытии своего спортивного зала.

Именно тогда отец арендовал небольшое помещение на улице Ермошкина в Махачкале и после лёгкого косметического ремонта открыл там свою первую секцию боевого самбо, набрав две группы ребят 1990–1992 годов рождения.

Всего их было сорок четыре человека. Папа вложил в этих парней всего себя.

Впоследствии ребята именно из этого зала стали костяком так называемой «манаповской» школы боевого самбо.

Среди ермошкинских тогда были такие известные теперь фамилии, как Ислам Махачев, Эльдар Эльдаров, Азамат Гашимов.

Зал на Ермошкина стал эпицентром развития боевого самбо в Дагестане.

Мы же занимались исключительно вольной борьбой. Нарушителем дисциплины – в смысле занятий исключительно этим видом единоборств – был только Шамиль Завуров.

Сейчас я дам тебе определение всех качеств спортивного характера Шамиля, которое сформирует твоё отношение к нему.

Он – трудяга и воин. Все мы тренировались с оглядкой на него. Шамиль был своеобразным продолжением отца в нашем молодом, точнее юношеском коллективе.

Завуров ещё долгое время будет главным локомотивом отцовской тренерской мысли. Он вырастет в великого чемпиона. Тогда мы этого, конечно, не знали, зато знали, что такое получить тумаков от Шамиля за тот или иной проступок.

Итак, Шамиль открыл для себя, а впоследствии и для нас такой вид спорта, как ушу-саньда. Мы попросили у отца разрешения посещать тренировки по ушу-саньда в секции «Арго». Эти занятия также проходили в спортивном зале дагестано-турецкого колледжа. Тренировали там мастера, которых звали Олег Магомедов и Абдул Газалиев. Этот зал станет кузницей, давшей миру многих чемпионов по ушу-саньда.

Для нас, людей, привыкших исключительно бороться, перспектива правильно махать руками и ногами показалась очень даже привлекательной. Как ты уже понял, друг, первопроходцем для нашей семейной борцовской команды стал именно Шамиль Завуров.

Он очень быстро стал набирать обороты уже как ударник. Мы видели, что Шамилю этот вид спорта нравится, и нам становилось всё интереснее.

Завуров в течение первого года занятий ушу-саньда выиграл чемпионаты Дагестана и России.

Первоначально мы ходили в «Арго» один-два раза в неделю. Затем тренировки по новому для нас виду спорта стали более системными. Через полгода после того как мы впервые поняли, что такое ушу-саньда, наше спортивное расписание делилось на две части: трижды в неделю мы тренировались в школе имени Али Алиева, занимаясь вольной борьбой, и ещё три дня ходили в «Арго», постигая азы ушу-саньда.

Этот период моего спортивного становления очень зависел от развития тренерской карьеры моего отца. После двух лет тренировочных занятий в дагестано-турецком колледже папа работал в спортивной школе имени Гаджи Махачева.

Ныне покойный Гаджи Махачев был одним из первых людей, поверивших в отца как тренера и начавших помогать ему в решении всех вопросов. В 2003 году папу позвали поработать в этот зал, чтобы он помогал в подготовке к турнирам ребятам, занимавшимся тогда почти никому не известными смешанными единоборствами, как говорили у нас – боями.

Интерес к отцу как к специалисту рос как на дрожжах. Многие стремились тогда попасть на занятия именно к Абдулманапу.

Причинами этого граничащего с ажиотажем интереса к тренерскому таланту папы были его умения и навыки в дзюдо и боевом самбо.

Если смотреть глубже и масштабнее, отец очень быстро превращался в одного из тех, кого спустя буквально пять-семь лет будут называть тренерами ММА – смешанных единоборств.

Пока это был 2003 год. Папа показывал таким парням, как

Руслан Абдулхалимов, Асильдар Абдулхамидов, Магомед Магомедов, Шамиль Завуров, что такое правильно сделанные болевые и удушающие приёмы. В Махачкале тогда было очень мало людей, понимавших в этом деле, а способных ещё и продемонстрировать – вовсе не было. Отец в то время – как, в принципе, и сейчас – пребывал в отличной физической форме и лично боролся, а потом применял приёмы из боевого самбо в отношении воспитанников. Таким образом, парни не только слушали и смотрели, что показывал Абдулманап, но и имели возможность лично на себе почувствовать его крепкие «объятия» во время проведения учебных удушающих и болевых приёмов.

Отец стал практиковать выезды на соревнования по смешанным единоборствам. Первые из этих выездов были осуществлены в Одессу на коммерческие турниры. Однако, конечно, нужно знать отца, чтобы понять: он не будет останавливаться на этих эпизодичных успехах.

Папа искал варианты развития своей тренерской карьеры. Его выбор пал на боевое самбо как стержень для самореализации. Боевое самбо тогда было диковинкой, новинкой в спортивной жизни Махачкалы. В период, когда вольная борьба была на небывалом подъёме, а бокс получил в республике второе дыхание, папа решил, что у самбо во всей этой структуре будет своё место.

Увлечение вольной борьбой и в самом деле достигло в то время уровня эпидемии. Это и неудивительно.

В 1996 году в Атланте олимпийским чемпионом стал Хаджимурад Магомедов. В 2000 году золото Олимпиады в Сиднее завоевали Сайгид Муртазалиев и Шамиль Умаханов. Гайдарбек Гайдарбеков привёз серебряную медаль с боксёрского Олимпийского турнира в 2000 году и выиграл золотую медаль в Афинах в 2004-м.

Сам понимаешь, дорогой друг, на что шёл отец, когда открывал спортивный зал под никому особенно не известное и непонятное боевое самбо. Но в этом весь отец: ему очень импонировало и, уверен, нравится до сих пор, когда против него буквально всё – и люди, и обстоятельства. Отец всегда конкурировал! Меня он тоже мотивировал к конкуренции.

Боевое самбо. Пути к вершинам

Несмотря на популярность традиционных для Дагестана вольной борьбы и бокса, наш вид спорта очень быстро стал любимым для тысяч парней.

В случае если, дорогой читатель, не очень внятно представляешь себе, что такое боевое самбо, – поясню. Этот вид включает в себя ударную технику в стойке, броски и борьбу в партере, а также мои любимые удушающие и болевые приёмы.

Отец каждый день работал над популяризацией боевого самбо. Организовывал турнир за турниром. Его очень поддерживали друзья и соратники.

Говоря о периоде становления отца в качестве тренера, не могу не сказать о человеке, сыгравшем в этом процессе одну из определяющих ролей.

С семьей Базаргановых нас, Нурмагомедовых, связывает очень многое. Главное же – дружба отца и Мурада Базарганова.

Все началось еще в Кизилюрте, когда два молодых парня, пройдя горнила сложной жизни 90-х годов прошлого века (это были суровые времена в жизни моей страны), стали крепко дружить.

Мурад занимался бизнесом и, как мог, помогал спортсменам.

Причем если в самом начале эта помощь выражалась в частных акциях, то к середине «нулевых» годов благодаря деятельности семьи Базаргановых в Кизилюрте были созданы одни из лучших условий для тренировочного процесса в республике.

Мы, «манаповские», были частыми гостями в Кизилюрте. Мурад и его семья делали для нас все, что было необходимо молодым спортсменам. Более того, скажу тебе, что в один период отец тщательно отбирал тех из нас, кто поедет на сборы в «базаргановский» зал: это право нужно было заслужить трепетным отношением к делу и, конечно, спортивными достижениями.

Сегодня благодаря усилиям Мурада и его брата Багаудина в Кизилюрте, давшем стране и миру двух олимпийских чемпионов по дзюдо – Тагира Хайбулаева и Мансура Исаева, функционируют спорткомплексы мирового уровня.

Дядя Мурад, со страниц этой книги я выражаю тебе и всей твоей дружной семье слова признательности за все годы поддержки и помощи не только от себя, но и от многих сотен ребят, которые пришли в большой спорт благодаря тебе.

В условиях становления боевого самбо как спортивной

дисциплины в нашей республике очень велика была роль личностей тех, кто этими процессами занимался.

Одной из таких личностей был президент Федерации боевого самбо республики Сулейман Магомедович Сулейманов. Отец всегда с большим удовольствием вспоминает время совместной работы с ним.

Всех нас – семью, переехавшую жить в Махачкалу, – боевое самбо привлекало своим полным по сравнению с другими практиковавшимися нами в то время видами спорта контактом с противником.

До 2002 года я был абсолютно сконцентрирован на вольной борьбе. Папа очень рассчитывал на меня в этом виде спорта. Он постоянно говорил, что это олимпийский вид и мне необходимо заниматься именно им, не отвлекаясь, по его выражению, на разные модные секции.

Однако я внимательно следил за предпочтениями отца и видел, что реализацию своего тренерского потенциала он видел именно в боевом самбо, а не в вольной борьбе. Как ты уже понял, друг, я тоже заинтересовался.

В 2002 году отец впервые выехал с самбистами на крупные соревнования. Это был чемпионат России. Он собрал неплохой состав, в который входил и Шамиль Завуров.

Шамиль, являвшийся старшим из всех нас, «манаповских», оставил вольную борьбу и транзитом, через ушу-саньда, перешёл в боевое самбо.

Мы приходили на тренировки этой команды в школу имени Гаджи Махачева и буквально умилялись приёмам данного вида спорта. Как же это захватывало нас тогда: стойка, удары, захваты, подсечки, броски. Такая динамика не позволяла мне спокойно сидеть на месте. По сравнению с размеренным и порой совершенно монотонным ходом схватки в вольной борьбе развитие поединка в боевом самбо напоминало фонтаны эмоций, перепадов и скоростей. Постепенно я настолько увлёкся наблюдением за тренировочными поединками той отцовской команды, что стал просить его допустить меня на тренировки.

Я выбрал для себя боевое самбо. Дело оставалось за малым – уговорить отца.

Тот чемпионат России обернулся для отца и всей команды полным разгромом. Позднее отец поделился своим разочарованием, говоря, что такого плохого выступления у него и его подопечных не было ни до, ни после.

Причиной всему стало то, что парни готовились к соревнованиям, фактически не зная правил, по которым будет проводиться чемпионат. Это происходило потому, что тогда, на

волне становления боевого самбо в качестве соревновательного вида спорта, в стране было несколько организаций, претендовавших на главенство. Отсюда и расхождения в регламентах, правилах, тренировках и т. д.

Основной причиной провала стало то, что, готовясь к соревнованиям, ребята боролись без соответствующей экипировки, главным элементом которой была куртка-самбовка. Отец, безусловно, понял это и многие другие причины, почему его парни проиграли. Ребята стали тренироваться в специальных самбистских куртках.

Папа был мастером по борьбе в такой куртке. Он был чемпионом Украины по дзюдо и самбо. Теперь ему представилась возможность передать свои навыки набиравшим мастерство ребятам. Парни в той команде были неплохие, многие из них выросли впоследствии в мастеров. Я говорю о Шамиле Завурове, Шахбулате Шамхалаеве, ныне покойном Мусаиле Алаутдинове.

Изменения в тренировочном процессе в основном вылились в микширование элементов техники самбо, дзюдо и смешанных единоборств, которые тогда только-только появлялись на горизонте.

Чемпионат России в 2003 году сложился для нашей команды гораздо удачнее. Однако самым большим достижением того турнира для отца и всех тех людей, которые вместе с ним занимались популяризацией этого вида спорта, стала договорённость с Всемирной федерацией боевого самбо о проведении в 2004 году чемпионата мира в Махачкале.

Ясно, что все эти события не могли не сказаться на моём интересе к боевому самбо.

Год, прошедший после первого для отца и его ребят чемпионата России, вся наша семейная борцовско-бойцовская команда провела в тренировках и сборах.

Апогеем развития боевого самбо в республике стал чемпионат мира, проведённый в Махачкале в 2004 году. Отец понимал и принимал всю ту ответственность, которую взвалил на себя, взявшись за организацию и проведение этого турнира. Тогда мне было ясно, что папа задумал и реализует очень крутой для себя и для всех нас проект. Все организационные вопросы отцу помогали решать друзья: ныне покойный Гаджи Махачев, Испай Омаракаев и Мурад Базарганов.

Это был невероятный ажиотаж. Все буквально грезили занятиями боевым самбо. Желающих тренироваться у отца было так много, что для записи ребёнка на секцию люди искали всевозможные подходы к отцу.

Вся страна знала о готовящемся в Махачкале чемпионате.

Отец со своей командой организаторов делали всё для того, чтобы соревнования прошли не просто гладко, а на высшем уровне.

Тогда я наблюдал отца не как тренера, а как функционера. Он собирал совещания и организовывал обсуждения, распределял обязанности и следил за исполнением. Отчасти я видел папу таким за несколько лет до этого события, когда он, сидя в нашем дворе в Кировауле, производил расстановку футболистов сельской команды перед очередным предстоящим матчем.

Однако сейчас это был совершенно другой Абдулманап Нурмагомедов. Это был человек, понимавший, что ему выпал шанс заявить о себе и нашей республике на весь мир. Папа осознавал, что второго такого шанса у него больше просто не будет. На кону стояло всё: карьера, спортивные успехи, благополучие семьи, в конце концов.

В этом желании провести чемпионат мира в Махачкале был весь мой отец, вся его философия жизни: он всегда искал вызов, а если не находил его, бросал вызов самому себе.

Чемпионат мира стал самым большим испытанием для отца в его карьере на тот момент. Глядя тогда на папу, я не полностью осознавал, что происходит и почему он порой так сильно волнуется, что может сорваться на любую, даже совершенно безобидную промашку людей при подготовке старта.

Понял я это, когда в декабре 2004 года на подходе к спортивному комплексу Дагестанского государственного педагогического университета увидел огромную массу людей, оцепление из работников полиции, кинологов с собаками. Я поймал себя на мысли, что никогда прежде не видел такого вживую. Подобные картинки мы наблюдали только по телевизору. Для меня это стало настоящим потрясением. Так проходил организованный отцом чемпионат мира по боевому самбо.

Зайти в тот день в зал было просто нереально. Мы с друзьями искали способы сделать это. Мне очень хотелось увидеть бои Шамиля Завурова и Магомеда Магомедова.

Мы вынули стёкла из одного окна. У нас просто не было другого выхода. Буквально ввалившись в зал, я просто оторопел. Эти невероятные чувства останутся со мной навсегда. Такой накал эмоций в следующий раз ошарашит меня через восемь лет, в Бразилии, когда я выйду на арену для битвы с Тьягу Таваресом. А тогда, в 2004-м, я, шестнадцатилетний парень, просто наслаждался энергетикой толпы и искренне переживал за близких мне людей.

В своём финале в весовой категории 68 кг Магомед (Железка)

Магомедов выиграл «в одни ворота». Финал в весе 74 кг свёл Шамиля Завурова и Мусаила Алаутдинова. Шамиль взял верх в тяжелейшем бою.

Поначалу я метнулся поздравить парней, но толпа просто забрала их. До них было невозможно добраться!

По дороге домой меня обуревали самые разные эмоции, начиная с претензии к себе за то, что я до сих пор не занимаюсь таким отличным видом спорта, как боевое самбо, и заканчивая радостью за победы парней, с которыми проводил большую часть времени.

Вернёмся к отцу.

Он справился. Причём сделал это отлично. Я видел, как радовался отец и тому факту, что смог провести в родной для всех нас Махачкале чемпионат мира, и тому, что его воспитанники так хорошо выступили.

Я искал подходящий момент для того, чтобы попросить папу позволить-таки мне заниматься боевым самбо. Всё это совпало с моим стремлением перевестись на заочное отделение в колледже. Таким образом, я искал расположение отца по двум основным на тот момент для меня темам: переход из вольной борьбы в боевое самбо и перевод с очного отделения в колледже на заочное.

Что касается смены приоритетов в спортивном развитии, диалог строился очень тяжело: отец настаивал на необходимости продолжения занятий вольной борьбой.

Однако после продолжительного общения он всё-таки дал мне возможность практиковать ещё один вид спорта. И этим видом стало дзюдо.

Для меня это был неприятный поворот. Я грезил боевым самбо, а отец оставляет меня в борьбе, ещё и дзюдо привязывает. Зачем? Для чего? Однако я не смел сказать слово вопреки воле папы.

Руководствуясь принципом «отец всегда прав», следующие за этими событиями два года я чередовал тренировки по вольной борьбе в школе имени Али Алиева с занятиями по дзюдо в зале у Джафара Джафарова.

Основным аргументом отца при определении дзюдо как практически важного для меня вида спорта было отсутствие в моём арсенале навыков борьбы в куртке.

В общем, на этом фронте мне пришлось отступать.

Что касается учёбы, то тут всё было точно так же, как и в спорте: папа не пошёл на мои уговоры по поводу перевода.

Я ежедневно ходил на занятия в колледж и на тренировки, чередуя вольную борьбу и дзюдо. Тогда я, как ни старался, отца не понимал: зачем он заставляет меня заниматься тем видом,

который, как мне тогда казалось, совершенно мне не был нужен, и не даёт заняться тем, о чём я грезил?! Это сейчас я понимаю, для чего папа всё это делал, а тогда, конечно, с моей стороны следовали робкие вопрошания.

Отец однозначно был прав, избрав для меня дзюдо в качестве переходного от вольной борьбы к боевому самбо элемента.

Тренируясь у Джафарова, я добавил в копилку своих навыков такие важные вещи, как позиционная борьба, броски из различных положений в стойке и другие.

Такой режим в моей жизни сохранялся на протяжении всего 2005 года.

Учиться у меня толком не получалось. Во-первых, и я этого не отрицаю, не было у меня большого интереса делать это. Во-вторых, даже если бы я горел желанием грызть гранит науки, делать это было проблематично уже хотя бы потому, что я просто-напросто уставал. Я засыпал на занятиях. Иначе, наверное, и быть не могло. Утром зарядка с полной нагрузкой, вечером тяжелейшая отцовская тренировка. Как тут не засыпать на занятиях?!

Мне становилось всё сложнее выдерживать этот режим. Я всё настойчивее просил отца всё-таки перевести меня на заочное отделение после окончания первого курса в колледже.

Однако папа не поддавался на уговоры.

Только в сентябре 2005 года мы с ним нашли первые точки соприкосновения в этом вопросе: я учусь первый семестр второго курса на очном отделении, а если к его завершению всё-таки сохраняю желание перейти на заочное обучение, то папа мне разрешает сделать это!

Ты представляешь, друг мой, как я был счастлив?!

С таким желанием учиться и начать год я не приходил на занятия 1 сентября ни до, не после этого. Само собой разумеется, к декабрю 2005 года желание перевестись не только не ослабло, оно стало железобетонным.

После продолжительных консультаций с директором колледжа папа принял решение забрать меня с очного отделения.

Я был свободен!

Плюс к моему неимоверному счастью, папа заявил мне, что берёт меня на сборы с командой ребят, которые выступят на чемпионате мира по боевому самбо.

Я в отцовской обойме

Это была зима 2005–2006 гг. Прошёл ровно год с триумфального для нас чемпионата мира в Махачкале. Однако, несмотря на это, моё желание заниматься именно боевым самбо и ничем иным не только не ослабло, а, наоборот, усилилось. Связано это было, скорее всего, с тем, что я видел ребят, которые набирали очень хорошую форму, стремясь взойти на высшую ступень пьедестала на грядущем турнире. Это мотивирует. Тренироваться в зале с этими парнями было бы для меня верхом удовольствия, а пройти с ними сборы выглядело просто невообразимой мечтой.

Папа, придерживая моё фанатичное желание биться именно в боевом самбо, долгое время ограждал меня от ненужных в этом возрасте травм и других проблем, разжигая в моей душе такое желание тренироваться и выступать, которого мне хватило на годы вперёд.

Сейчас, по прошествии более десяти лет, я, конечно, вижу, к чему стремился отец. Он хотел, чтобы фундамент моего мастерства был настолько крепким и основательным, что мог бы вынести любую надстройку сверху.

Анализируя отношение папы к становлению моей карьеры, сегодня я могу сказать ему однозначное спасибо!

Если бы тогда, десять-двенадцать лет назад, ситуация развивалась как-то иначе, я не избежал бы проблем со всеми соперниками, которые встретились на моём пути после.

Итак, я в отцовской обойме.

Папа впервые позволил вырваться наружу моей сущности, бойцовской сущности. Да, не борцовской и не дзюдоистской, при всем моём уважении к этим видам спорта, а именно бойцовской. Я и представить себе не мог, что такое сборы по боевому самбо под руководством отца.

Единственной точной информацией для меня были трёхразовые тренировки в течение дня. И всё. Но я и не подозревал, что меня ждёт.

Знакомиться с подробностями самбо-тренировок мне пришлось уже по ходу пьесы.

В первое утро мы совершили кросс по берегу моря. Бегать по песку – дело приятное, мягкое, но очень нагрузочное. После бега поработали в парах, отрабатывая так называемые пятнашки. Борьба в стойке стала завершением утра. Это была мощная тренировка, а не разминка, к которой я привык. Передохнув, я тут же окунулся в обеденную тренировочную программу. Здесь меня

ждали борьба и грепплинг. И всё в напряжении. Всё на пределе моих возможностей на тот момент. Опять немного сна и отдыха. Вечер. Тренировка. Мы надели куртки-самбетки. Два часа борьбы и ударной техники по правилам боевого самбо. Тот день я запомнил на всю оставшуюся жизнь. Я, человек, стабильно тренировавшийся дважды в день шесть дней в неделю, еле-еле доковылял до своей кровати и вырубился.

Моё убеждение в том, что я нахожусь в отличной физической форме и в высшей степени готовности к соревнованиям любого уровня, отец разбил в пух и прах в первый же день сборов.

В тот вечер я уснул, испытывая чувство полной душевной удовлетворённости. Отпахал!

Мои эмоции утром второго дня было не просто трудно, а невозможно сравнить с мыслями и ощущениями за восемь часов до этого. Я был просто разбит! Во мне болело всё! Даже натренированные, как я думал, ноги и спина буквально изнывали.

Тем утром я узнал о существовании таких мышц, о наличии которых в собственном теле даже не подозревал.

Три тренировки ежедневно в течение последовавших за этим трёх недель стали для меня мощнейшим испытанием. На сборах я был самым младшим в команде. Все те, кого отец привёз тогда на берег Каспийского моря, были старше меня в среднем на три-пять лет. Нагрузочная и тренировочная программы были составлены под них. Моё присутствие в этом случае не учитывалось. Оно вообще нигде не учитывалось. Я вкалывал наравне со всеми без оглядки на условности.

Включив меня в состав команды на сборы, отец, как я тогда полагал, давал мне шанс проявить себя. Однако после первых двух-трёх дней я пришёл к выводу, что тренер меня проверяет. День за днём мы выполняли сумасшедшее количество упражнений. Мы бегали по берегу моря и в горы.

Это были километры боли и воли, напряжения и терпения, испытаний и маленьких побед над собой. Думать о том, что мне нужно, а что не пригодится, просто не было времени. Я тупо делал всё, что делали другие. Иначе я рисковал потерять расположение отца и ещё долго не входить в число бойцов, которых он не просто тренировал, но и готовил к соревнованиям.

Первую неделю сборов я не чувствовал, насколько перегружено моё тело. Таких ощущений у меня ещё не было. Мне шестнадцать лет, я прохожу тренировочный сбор с чемпионами и мастерами спорта. Это было главной мотивацией для меня. Я и не думал о том, какую роль эти три недели сыграют в моём бойцовском становлении.

Я очень устал. Моё тело буквально требовало от меня отдыха,

причём максимально продолжительного.

Парни уехали на чемпионат мира, проводившийся в Москве.

Короткий отдых пошёл мне на пользу. Однако ещё большую, ни с чем не сравнимую пользу я извлёк из сборов.

Читатель, ты бы видел лица парней, которых я теперь раскидывал в зале!

До отцовского трёхнедельного тренировочного лагеря в схватках с некоторыми парнями в нашем зале мне было сложновато, а теперь всё шло как по маслу.

Молодой организм в течение трёх-пяти дней восстановился, тело было готово к новым нагрузкам, сознание очерчивало передо мной интересные перспективы в новом для меня виде спорта.

Я понял, что оптимальные для соревнований кондиции набираю только на сборах. Тренировки в зале, безусловно, позволяли постоянно находиться в добротном состоянии, давали возможность больше спарринговать и практиковаться с разными парнями. Однако фундаментом этого здания были тяжелейшие сборы под руководством отца.

Теперь я делал всё для того, чтобы папа брал меня на все сборы. В календарном году таких тренировочных лагерей было шесть-восемь. Проводились они в различных географических условиях, природно-климатических зонах, с упором на развитие определённых навыков.

Я чувствовал, что набираю обороты. Причём это были обороты не тренировочные, а уже боевые. Видел это и отец.

С этого у нас началась очередная глава отношений из серии «папа, разреши мне».

Я настойчиво добивался возможности выступать. Отец столь же неотступно всячески ограждал меня от этого. В начале 2006 года главным аргументом папы в наших беседах стала мысль о том, что пара-тройка хорошо проведённых сборов ещё ничего не значат, а молодой организм, не привыкший к подобным нагрузкам, в любой момент может дать сбой. Эту мысль в сознании отца я пытался разбить своей добросовестной работой и на сборах, и в зале.

Папа понимал, что к середине 2006 года эта причина не подпускать меня к соревнованиям канет в Лету. К осени я уже демонстративно показывал отцу, что готов к серьёзным турнирам. Делал я это, выигрывая в зале на спаррингах и практиках у ребят, на которых отец уже основательно полагался. Эти парни порой были прилично старше и где-то опытнее меня, но это было неважно. Я выигрывал и просил отца дать мне возможность попробовать себя в реальном бою.

Папа же, в свою очередь, тянул время. Я не понимал, зачем

ему это. Что не так? Почему он выпускает драться на соревнованиях других, гораздо менее подготовленных ребят, а я остаюсь не у дел?

Спросить лишний раз или, не дай бог, настаивать на своём я не мог: отец просто рассердился бы на меня. Да и не привык я к этому: раз так говорит отец – значит, так положено. Другого выхода у меня не было. Оставалось только вкалывать на тренировках и ждать, пока папа по своей доброй воле разрешит мне делать то, к чему я, по моему глубокому на тот момент убеждению, был уже готов.

Всю вторую половину 2006 года я провёл в сборах и практиках. Сел на полноценный спортивный режим тренировок, сна и питания. Я понимал, что папа в любой момент может дать мне отмашку и позволит мне подраться на любом из турниров. Если я просплю этот шанс, подойду к турниру не натренированным или не настроенным должным образом психологически, мой тренер – Абдулманап Нурмагомедов – мне второго шанса не даст, а если и смилостивится, то очень и очень нескоро.

И папа дал возможность попробовать свои силы. Однако и это событие произошло не без препятствий. Дело было в декабре 2006 года, то есть ровно через год после памятного трёхнедельного сбора в Избербаше, на берегу Каспийского моря. Отец с единомышленниками организовали чемпионат Дагестана по боевому самбо среди взрослых. Проходил он в Махачкале и привлёк к себе внимание огромного числа спортсменов.

Причём на выступление в этом турнире записывались не только боевые самбисты. Сюда шли все: борцы, грэпплеры, смешанники, рукопашники. Все!

Причина таилась не столько в их трепетной любви к боевому самбо как виду спорта, сколько в желании поправить своё благосостояние. Дело было совершенно нетривиальным: спортсмены стремились выступить на этом чемпионате, чтобы заработать денег. Да, именно так! Соревнования по боевому самбо в то время были скорее исключением, нежели правилом в части призов победителям и призёрам.

«Money, money, money», как пелось в одноимённой песне группы ABBA. Тут люди зарабатывали деньги, в то время как на подавляющем числе турниров по другим видам единоборств участники и победители могли рассчитывать лишь на грамоту и кубок.

Мне только исполнилось восемнадцати лет. Это обстоятельство превратилось в почти непреодолимое препятствие. Меня не хотели допускать к участию в

соревнованиях. Нижний возрастной порог для бойцов чемпионата составлял двадцать один год.

Я просил отца, он долго думал, не соглашался, затем весьма эмоционально дал согласие и пошёл просить организаторов, своих товарищей, всё-таки предоставить мне шанс подраться.

Ура! Я в деле!

Я дрался на 68 кг. Находился в отличной физической форме. О психологическом настрое лишний раз рассказывать не буду, ты и сам, дорогой друг, всё прекрасно понимаешь.

В тот декабрьский день в 2006 году я в течение пяти часов одного за другим убрал с пути четверых соперников.

Я вышел в финал.

Для многих специалистов, в том числе для моего тренера, это было, мягко говоря, неожиданно.

В финале мы сошлись с Рустамом Хабиловым. Это мой близкий друг, человек, которого я называл и по сей день называю братом. Мы знакомы с ним ещё с кироваульских времён. Теперь мы оба в финале.

Мы с Рустамом вышли на ковёр, и он поднял мою руку, указывая всем на то, что драться мы не будем и он согласен на то, чтобы первое место присудили мне.

Это был мой первый турнир по боевому самбо, и я его выиграл.

Через год мы с Рустамом вновь сойдёмся в финале чемпионата Дагестана, и теперь выиграет он: мы, как и за год до этого, выйдем на ковёр, и теперь я подниму руку Рустама как победителя турнира.

Мы не сможем, и не будем драться друг с другом. Мы от одного тренера.

Мы больше, чем друзья. Мы братья.

Таким образом, уже через год занятий боевым самбо я пришёл к первому для себя трофею, и моя любовь к этому виду спорта стала ещё сильнее.

Так, маленькими шажками, я начал свой путь в мире боевого самбо.

Отношение отца к моему спортивному становлению не менялось. Он всё ещё пытался предостеречь меня от импульсивности. Это понятно. Папа видел таких, как я, начинающих карьеру ребят сотнями и понимал, что мне ещё нужно было добавлять мастерства во многих аспектах.

Летом 2007 года я выступил на чемпионате Дагестана среди молодёжи. Я выиграл.

Я всё время торопился повзрослеть. Постоянно думал, что опоздаю стать первым, стать лучшим. Отец меня придерживал.

Говорил, что всё я ещё успею сделать. Я не понимал, почему он так себя ведёт, но беспрекословно исполнял всё, что говорил отец. Я старался тренироваться и спарринговать с ребятами, которые были старше и мастеровитее меня. Да, я поначалу проигрывал им. Много проигрывал. Однако всегда просил каждого из них поработать со мной дополнительно. Отец успокаивал меня, говоря, что я ещё слишком молод, чтобы конкурировать с большими мастерами, которых в нашем зале было немало. Мне было семнадцать-восемнадцать лет. Несмотря на это, я нервничал и переживал после каждого раунда неудачных для меня спаррингов.

Папа пользовался разными психологическими уловками, дабы раскачать меня. Бывало так, что, сидя дома за столом после тренировки, мы обсуждали текущее положение дел, и отец, видя, что я в хорошем настроении и доволен проделанной работой, категорически заявлял, что радоваться мне рановато.

– Ты только десятый номер на свой вес в моём зале, – говорил тренер. – Тебе ещё много работать.

– Да, я десятый среди твоих лучших бойцов, которые старше меня на четыре-восемь лет. Дай мне моих сверстников, и я покажу тебе, что я номер один, – отвечал я.

Отцу нравилась моя спортивная заносчивость и дерзость. Однако он никогда не давал мне возможности быть заносчивыми с людьми вне ковра и татами. По мере того как крепло моё тело, я становился всё увереннее духом.

Эту уверенность в собственных силах мне придавала одна мысль.

Я понимал, что постепенно к девятнадцати годам я перестал уступать в зале кому бы то ни было в своей весовой категории.

Держать первую строчку в весе 74 кг было задачкой не из лёгких.

В моём зале тренировались лучшие в мире в своих весах боевые самбисты. Я бился с ними каждый божий день.

Я понимал, что близок к большим победам. Однако главное – не торопиться, как уверял меня папа. И был абсолютно прав.

Всё, что я накапливал в себе все эти годы, вырвалось из меня уже в 2009 году и позволило в течение двух последующих лет выиграть в боевом самбо все награды, какие только можно.

Титул номер один. Чемпионат России

Популярность боевого самбо набирала обороты в Дагестане, да и по стране в целом. Как боевая техника самбо зародилось именно в России, и какое-то время оно было даже засекречено, являясь основой боевой подготовки бойцов специальных служб.

Это был короткий, я бы даже сказал, мимолётный период расцвета нашего вида спорта.

Начало нулевых – период наибольшего распространения боевого самбо. Как ты, дорогой друг, помнишь, 2009 год я уже называл стартовым в моих спортивных успехах.

Мы с командой под руководством отца переезжали из одного города нашей страны в другой, участвуя во множестве самых различных турниров. Очень хорошо помню турниры в Кронштадте, Орле, Санкт-Петербурге и Москве, которые собирали сотни и тысячи парней со всех уголков страны и мира. В это время постоянных поездок на различные турниры нам помогали те, кто знал, сколько труда и внимания отец уделял своей работе. Мне приятно осознавать, что одним из таких людей был мой близкий друг детства Агамагомед. Мы росли с ним вместе с 14–15 лет. Теперь он жил в Москве и всегда заботился обо всех нас – приезжавших посоревноваться спортсменах. Многие из тех парней, которые тогда, в 2006–2010 годах, начинали свой спортивный путь, знают, сколько нужного и полезного делал Агамагомед порой даже в ущерб себе. Это братская дружба.

Вспоминая те времена, хочу рассказать тебе одну, на мой взгляд, поучительную историю. Как-то в 2009 году Агамагомед, Гусейн, Муса и я на автомобиле отправились в Москву. До столицы было добрых 1800 километров. Под нами была модная тогда «девятка», импортный вариант которой называли «Балтика». За рулем был Агамагомед. Дело было ближе к зиме. На протяжении всего пути мы общались, шутили, смеялись. У нас была дружеская привычка обязательно шлепнуть по шее того, кто сидел на пассажирском сидении. Сделать это, конечно, должны были те, кто размещался сзади. Я сидел впереди и буквально лицом развернулся к Гусейну и Мусе, которые только и ждали момента, чтобы исполнить ритуал. Мы мешали Агамагомеду, который уже долго был за рулем, и, постоянно отвлекаясь от дороги, вынужден был успокаивать нас. В один момент Агамагомед решил выйти на обгон, крикнул на нас и… оцепенел. Я видел этот страх. Все мы тогда молчали. Выйдя на обгон, он

увидел мчащуюся на нас по встречной полосе фуру. Он начал тормозить, однако мы просто не успевали вернуться на свою полосу. Все, кто водил или водит автотранспорт, поймут, о чем я говорю. Сложности ситуации добавляло и то, что дорожное покрытие уже покрылось изморосью, и сцепление с дорогой оставляло желать лучшего. Это были страшные мгновения ожидания… В моей голове пронеслось буквально все, что было ценно и дорого… Агамагомед принял решение уходить еще левее – на обочину встречной полосы. Таким образом, мы, пересекли «встречку» и съехали в кювет. Благо он, кювет, был довольно пологим и мы не перевернулись. Остановившись, мы еще какое-то время молча просидели в машине, понимая, что могло случиться непоправимое… Возблагодарив Всевышнего Господа за столь внятное знамение, мы потихоньку двинулись дальше. Будь аккуратен на дорогах, друг.

Отец осознанно давал мне возможность выступать на самых важных и ответственных турнирах. Он уже не переживал за меня так, как за год-полтора до этого. Да и я сам ощущал разницу между собой в шестнадцать-семнадцать лет и теперь, в девятнадцать-двадцать.

В Дагестане на различных турнирах по нашему виду спорта было не протолкнуться. Люди массово записывались в секции и точно так же ходили на соревнования.

Я уже говорил, что турниры по боевому самбо были весьма привлекательны для молодых спортсменов. Это происходило потому, что тут за победу давали деньги. Не диплом с кубком, а диплом с кубком, в котором лежал конверт с деньгами, заветный для многих конверт. В стремлении ребят заработать не было ничего странного: они тренировались сутками напролёт, объясняя своим родным и близким, что спорт может стать для них и их семей источником дохода. Им не верили. Над ними смеялись. Однако они выигрывали. Зарабатывали. Приносили деньги домой.

Папа понимал запросы и потребности молодых бойцов. Он видел сотни таких. Он сам из их числа: дипломированный бухгалтер-экономист, директор совхоза, бросивший всё и занявшийся делом своей мечты. Над ним тоже немало людей потешалось, указывая на брошенную им нормальную, как говорили люди, работу, отъезд из родного села ради поисков себя в таком непонятном для многих деле, как тренерское ремесло.

Однако отец опроверг абсолютно все иронические пророчества «знающих» людей и стал тем, кем стал.

Итак, вернусь к боевому самбо.

С января по сентябрь 2009 года я дрался на четырёх

турнирах. Мы шли на цикл «Россия – мир».

Перед самым чемпионатом России мы прошли хорошие сборы, поэтому я был абсолютно уверен в своих кондициях.

Соперников по весу я уже знал.

Во-первых, с большинством из них мы уже встречались на различных турнирах; во-вторых, я всегда следил за выступлениями бойцов моей весовой категории.

Чемпионат России проходил в Москве. Для меня это был первый большой турнир с того момента, когда отец подпустил нас с братьями к боевому самбо.

Я не волновался. Даже как-то странно было.

Это был тяжёлый путь. Не сказать, чтобы я натолкнулся на ожесточённое сопротивление соперников, однако было сложно. Причиной стала психология. По турнирной сетке параллельно со мной шёл парень из нашей команды, нашей семьи, Эльдар Эльдаров. Может быть, его присутствие в весе немного смущало меня. Не знаю. Не понял до сих пор. Однако помню, что было непросто.

Ещё до турнира я предполагал, что основным соперником может стать Ибрагим Тибилов. Это был уже опытный боец, способный попортить кровь кому угодно. Мы с отцом наблюдали за ним весь 2009 год, и было понятно, что он один из топов в моём весе.

В полуфинале параллельной со мной в турнирной сетки сошлись Эльдаров и Тибилов. Эльдар уступил в том бою. Соперник сделал ему болевой приём – скручивание пятки.

Теперь остались только мы с Тибиловым.

Это был тяжелейший бой. Противник умело противостоял всему, что я умел делать хорошо. Мы бились в стойке, боролись в партере. В один момент я неосторожно отдал ему ногу, а он не преминул воспользоваться этой возможностью и начал крутить мне пятку. Кто знает, что это такое – чувствовать, как сжимаются самые мелкие косточки в ноге, – тот меня поймёт, а кто не в теме – знайте, что это сумасшедшая боль. Однако, несмотря на достаточно критическую ситуацию в тот миг, у меня ни на секунду не возникло мысли сдаться. Я абсолютно уверенно видел себя на чемпионате мира.

Тот бой я выиграл со счётом 1:0. Балл мне дали за два тридцатисекундных удержания. В общем счёте на чемпионате России в 2009 году я провёл пять боёв, поочерёдно подравшись с парнями из Чечни, Санкт-Петербурга, Москвы. Все бои до финала я завершил досрочно.

Так я выиграл первый по-настоящему большой для спортсмена-любителя турнир.

Я был очень рад. А как рад и доволен был отец!

Однако долго почивать на лаврах не пришлось. Отец дал мне и парням недельный отдых для восстановления. После – снова в бой.

В декабре меня ожидал чемпионат мира, который проводился в Москве. Новый уровень и новый вызов. Несмотря на вполне объяснимое в подобных случаях волнение, я вновь чувствовал себя спокойно и уверенно. Четыре боя – четыре победы. Таким получился для меня мой первый чемпионат мира. Одолеть соперников из Португалии, Азербайджана и Румынии не составило для меня вообще никакого труда: кого-то из них я «усыпил» удушением, кого-то забил в партере.

В финал со мной вышел мой старый знакомый Ибрагим Тибилов. В первом же действии с ним я понял, что за прошедшее время после нашего финала чемпионата России он ничего не добавил. Зато я добавил. Финал я выиграл вчистую, одержав, таким образом, третью победу подряд над Тибиловым. Именно третью, так как незадолго до октябрьского чемпионата России мы с ним бились на одном из турниров по панкратиону, в котором я также выиграл.

Я с большим уважением отношусь к Ибрагиму. Это настоящий спортсмен, заставить которого уступить сантиметр ковра являлось большим достижением для любого соперника. Однако жизнь есть жизнь. Мы встретились на двустороннем курсе наших карьер: его – ниспадала, моя шла вверх.

Теперь я чемпион мира!

Это большое достижение для всей моей семьи и родственников. В чемпионском ряду воспитанников отца прибыло. Я был безумно рад тому, что не подвёл тех, кто вкладывал в меня всё это время самое ценное для того, чтобы я добился успеха.

В ряду таких людей особняком, конечно, стоял отец.

Ещё за три года до триумфа на чемпионате мира он и слышать не хотел о моих занятиях боевым самбо. Папа всячески старался оградить меня от ранних спортивных травм, которые были часты в нашем виде и могли испортить карьеру. Однако, почувствовав мой настрой и готовность, отец-тренер стал всё чаще подпускать меня к соревнованиям более высокого и сложного уровня.

Помнишь, я говорил, как папа подшучивал надо мной в 2007 году, говоря, что я всего лишь десятый номер в его зале? Тогда я обещал, что стану первым номером. Я сделал это. Это радовало. Ещё больше радовало то, что не подвёл отца и команду-семью.

Теперь нужно было держать планку чемпиона мира на

каждом соревновании, в котором принимал участие. Всё было для меня привычно. Турниры, города, соперники, судьи. Одно теперь отличало все последующие турниры от предыдущих: диктор на соревнованиях теперь, объявляя меня, произносил: «Чемпион мира, мастер спорта международного класса Хабиб Нурмагомедов».

Каждый раз, слушая это объявление, или представление, на различных турнирах, я понимал, что желающих скинуть меня с высокой ступени пьедестала теперь гораздо больше и с первым из них, стремящихся, я прямо сейчас сойдусь в поединке.

Эти и многие другие обстоятельства постепенно становились моими постоянными мотиваторами. В спорте говорят, что взобраться на вершину легче, нежели удержаться на ней.

Конечно, в 2010 году, в двадцатидвухлетнем возрасте, я об этом не подозревал. Зато точно знал, что мне нужно повторить успех годичной давности. Причём не просто повторить, но и сделать это играючи. Забегая немного вперёд, скажу, что именно так и получилось.

Москва. Чемпионат России – 2010. Пять боёв – пять побед. Досрочных побед. Убедительных побед. В финале я дрался со спортсменом из города Котово.

И вновь чемпионат мира – следующая цель. Местом проведения определили Киев – город, с которым мою семью многое связывает. Четыре боя – четыре победы. Одного из соперников я забил в партере, двоих удивил удушающим, который в народе называют «треугольником», и в финале сошёлся с Рамзаном Алгериевым из Казахстана. В одни ворота.

Победа в Киеве была особенно приятна, так как именно в этом зале в 1990 году, то есть за 20 лет до меня, чемпионом мира по самбо стал мой дядя, младший брат отца Нурмагомед Нурмагомедов.

Поболеть за меня пришло очень много людей. Это были друзья братьев отца, осевших на Украине после учёбы, друзья самого отца, который учился в Полтаве.

В общем, было тепло и приятно!

Теперь я двукратный чемпион России и двукратный чемпион мира. Это было целиком и полностью достижением отца и всей той системы, которую он создал и в которую всех нас встроил.

Победы не могли не оказать влияния на моё дальнейшее становление в качестве спортсмена. Я менялся и с человеческой точки зрения. Становился глубже в ментальном плане. Понимал и анализировал многое из того, чего когда-то вообще не замечал или видел, но не задумывался.

Время внутренних изменений

В предыдущих главах я достаточно подробно рассказал о развитии моей спортивной карьеры на самой её заре.

Надеюсь, для тебя, мой читатель, всё достаточно очевидно. Начав заниматься спортом в три года в маленьком спортивном зале на первом этаже нашего дома в Кировауле, пройдя множество различных турниров и соревнований по разным видам спорта, я перешёл к званиям и титулам на мировой арене.

Конечно, дальше всё было сложнее и запутаннее, но тогда, в 2010 году, я ещё не подозревал, через что мне придётся пройти в последующие годы.

Я просто радовался тому факту, что не подвёл отца, семью и всех тех, кто искренне переживал за меня.

Давай немного отвлечёмся от спорта и остановимся на нескольких вещах, определявших мою жизнь в 2002–2010 годах.

Это было очень быстрое время. Оно просачивалось сквозь нас, словно песок сквозь пальцы. Всё вокруг быстро менялось: приоритеты человеческой жизни, ценности и установки, технологии.

За те восемь лет, речь о которых пойдёт ниже, я изменился очень сильно. По крайней мере, внутренне. Конечно, если ты спросишь об этом у кого-то из близких мне людей, каждый из них скажет, что я не поменялся, остался таким же, каким они меня знали. Однако нет. Я изменялся постоянно. Почему? Потому что меняться было жизненно необходимо.

Никому из нормальных людей не захочется вечно оставаться сельским быковатым парнем, так и норовящим объяснить что-либо кому-либо с помощью кулаков и тумаков. Вот этого-то добра во мне на тот момент хватало. Кулак для меня был неоспоримым аргументом. Не так посмотрел на меня – держи. Подшутил так, что я не понял, – получай. Подшутил, я понял, и мне не понравилось – готовься пару-тройку дней провести в больнице.

Не думай, дорогой друг, что я заношу этот период своей жизни и подобные проявления в свой актив. Нет! За многие вещи, совершавшиеся мною в тот период, мне сейчас, конечно, стыдно и… просто стыдно.

Сбежать с уроков, зайти в компьютерный клуб, «отжать» там пятнадцать-двадцать минут времени у какого-нибудь парня или группы ребят, не заплатить за проезд в маршрутном такси – всё это меня, безусловно, не красит. Тем более мне неудобно именно сейчас, когда я понимаю логику действий отца в отношении меня. Ведь папа делал всё для того, чтобы привить мне самые важные

гуманистические ценности. Однако я не спешил воспринимать их.

Странная, на первый взгляд, ситуация получается: отец вкладывал в меня всё то, что в народе зовут правильным, «светлым», а я так и норовил улизнуть из-под отцовской опеки. Сейчас я, конечно, понимаю, что ничего необычного в этом нет. Я жил и развивался так же, как и тысячи мальчишек по всему миру: старался угодить родителям, но и про шалости не забывал.

Как я чувствовал себя в дагестано-турецком колледже, в школе и финансово-экономическом колледже, ты уже знаешь: я не любил учиться.

Ещё одна странность: я не любил учёбу, но очень любил знания. Однако получать их я предпочитал в другом формате. Мне нравилось делать это самому.

Вот и всё.

Ах да, улица!

Здесь у меня была своя репутация. Охарактеризовать её можно одним словом: «торпеда». Именно так у нас в Махачкале называют человека, который без раздумий вступает в любой конфликт, приезжает на место разборки и «включается» за ту или иную сторону, сам обостряет любой разговор из-за не понравившегося ему слова.

Таким был я. Это был сложный период, который часто называют переходным возрастом. Мне было пятнадцать-восемнадцать лет. Силы переполняли меня. За мной стояла команда – семья, каждый из членов которой готов был костьми лечь за любого другого. Мой дерзкий и необузданный характер становился причиной всё новых и новых разборок. Поводами для драк становились совершенно различные факторы. Это мог быть звонок знакомых парней из района или словесная перепалка с кем-либо на улице. Много разных причин. Конечно, мне совестно из-за некоторых поступков, которые я тогда совершал. Без них было бы лучше.

Очень большую обеспокоенность по поводу такого развития моей жизни испытывал отец. Во мне жила абсолютная убеждённость: он знает обо всём, что я делаю.

В попытках обуздать меня папа прибегал к совершенно разным способам воздействия. Это были и разговоры, и наставления, и примеры из собственной жизни, и всё, что только ты сейчас можешь себе представить. Отдельным видом воспитания были тумаки. Это особенная история. Я даже порой думаю, что многие тактико-технические приёмы, которые у меня сейчас неплохо получаются, я так хорошо изучил благодаря тому, что сам лежал и приземлялся от них в исполнении отца.

Ты можешь себе представить, чем в 2003–2005 годах для

меня, семнадцатилетнего парня, становились подобные наказания со стороны отца. Отец и сейчас в такой форме, что в зале можно по пальцам пересчитать парней, которые могли бы схватить его переднюю ногу или, что ещё менее вероятно, зайти ему за спину, а тогда, в 2003-м…

Он меня не жалел. И абсолютно правильно делал. Ведь отец прибегал к таким крайним мерам только после месяцев бесед и уговоров. Ну а что ему делать, если я не исправлялся? Я понимал всё, что говорил и о чём просил папа. Чётко видел границу «можно»/«нельзя». Однако нарушал установленные правила. За это и получал.

Папа очень внимательно относился к людям, входившим в круг моего общения. Надо сказать, что он, этот круг, не особенно менялся с 2000–2003 годов. Появление в нём каждого нового человека было для отца предметом расследования, анализа и обязательной оценки в формате «нормальный парень» или «не друг он тебе, оставь!».

Конечно, я тогда пытался мысленно оспорить те или иные выводы отца. Но только мысленно. Попробуй я высказать что-либо подобное – держись. Со временем я стал замечать, что оценки, выдаваемые папой тем или иным парням, рано или поздно находили подтверждение. Я стал замечать это в возрасте восемнадцати-девятнадцати лет. При знакомстве и дальнейшем общении ты легко веришь человеку, доверяешь ту или иную важную для тебя или твоих окружающих информацию или мысли, а он при случае обязательно воспользуется этим в своих интересах… В подобных ситуациях в голову мне приходили папины слова «не друг он тебе». Начинались переживания, самокритика типа «почему я не послушал отца» и так далее. Однако каждый новый раз случалось то же самое.

Раз мы немного коснулись друзей, скажу, что их у меня никогда не бывало много. Отношение к дружбе и само её понимание у меня особенные. Ну, посуди сам, дорогой читатель: до двенадцати лет, то есть в тот период, когда в ребёнке закладываются коммуникационные потребности и навыки, я жил в Кировауле, селе в дагестанской глубинке, окружённый исключительно своими братьями и односельчанами. Основу моей орбиты общения составляли двоюродные, троюродные братья. Вот что для меня было дружбой. Я не различал родственные и дружеские взаимоотношения. Да и не учили меня этому. Моими лучшими друзьями были мои братья. Других я просто-напросто не знал. Может, если бы знал, пытался бы подружиться, но не знал. Ситуация в корне изменилась после переезда в Махачкалу. По части друзей здесь всё было по-другому.

Я долгое время никого к себе не подпускал. Хотя не подпускал – громко сказано. Кому я был нужен?! Сельский пацан, толком не говорящий на русском языке.

Источником знакомств и завязывавшихся впоследствии дружеских отношений для меня стал спортивный зал.

Здесь, в зале, ты очень быстро понимаешь, кто есть кто. Это сразу видно. По крайней мере, мне было отчётливо видно и понятно.

Отец не переживал по поводу моих связей и отношений, завязывавшихся на тренировках. Объяснялось это сразу несколькими причинами. Главной из них было то, что все тренеры, под руководством которых я тренировался, знали отца лично и обо всём, в том числе о моих контактах в зале, ему рассказывали. И ещё один фактор. Папа доверял мне в выборе друзей из зала. Другое дело – улица. Здесь доверия никакого абсолютно. Тотальный контроль. Всё.

Ну, здравствуй, ММА

С этой главы, друг, моё повествование вступает в одну из самых интересных фаз. Всем наверняка дико любопытно, как начиналась моя карьера в профессиональных боях. Думаю, что и тебе это интересно, раз ты дочитал книгу до этой самой главы.

Это было начало миллениума. Мы вступали в новое для человечества третье тысячелетие. Телевидение давало нам возможность узнавать о том, что происходит в других, дальних от нас уголках мира. Именно тогда я впервые увидел бои по телевизору. Однако это были не те бои, которыми я занимаюсь сейчас. Это были экстравагантные и эпатажные вечера реслинга, транслировавшиеся на одном из российских каналов.

Помню выступления Голдберта и Хогана. Это были первые понравившиеся мне бойцы, хотя больше персонажи, а не бойцы. Всю неделю я неустанно ждал этого вечера.

Шоу «Титаны реслинга» приковывало тогда внимание многих мальчишек в нашей стране. Оно транслировалось по субботним вечерам.

Мне было интересно наблюдать за эмоциями и экспрессией участников боёв. Всё было так ярко и красиво, шумно и привлекательно, что смотреть эти шоу мы усаживались компаниями.

Правда, для начала нужно было уговорить отца разрешить нам смотреть телевизор в достаточно позднее время. Папа разрешал, ведь завтра было воскресенье, когда можно выспаться и не идти на занятия в школу.

Хорошие были времена. Большая семья. Родной Кировоул. Реслинг. Иногда по завершении трансляции реслинга или вместо него, что тоже случалось, нам показывали то, что называлось смешанными единоборствами, или ММА.

Для нас, людей, привыкших к вольной, классической борьбе и боксу, смотреть на поединки, в которых соперники другу друга и били, и валили, и душили, и ломали конечности, было, мягко говоря, непривычно.

В истории ММА и UFC это было время Кена Шемрока и Ренцо Грейси. Я тогда впервые слышал слова, которые спустя несколько лет станут одними из часто употребляемых в моей жизни. А тогда, в 1998–2000 годах, мы смотрели на ММА как на диковинку. На фоне эффектных и зрелищных поединков в реслинге ММА смотрелись скудно и уныло.

Я недоумевал, когда смотрел ММА: так драться неправильно, думал я, наблюдая за тем, как бойцы ММА могли в течение часа

возиться друг с другом. Да, иногда всё было именно так: поединки длились очень продолжительное время. Броски и прыжки, свет и звук, ссоры и склоки, которыми всегда был полон реслинг, делали его гораздо привлекательнее. Разницу между ММА и реслингом я понял позже.

Как говорится, не всё то золото, что блестит.

Я стал больше смотреть ММА, нежели реслинг. Обмены ударами, проходы в ноги и корпус противника, рассечения и кровь, синяки и переломы, нокдауны и нокауты увлекли меня.

Во второй раз бои появились в моей жизни в 2002–2003 годах, когда отец в спортивной школе им. Г. Махачева тренировал дагестанских первопроходцев в мир смешанных единоборств – Асильдара Абдулхалимова, Магомеда Магомедова и других.

Тогда отца приглашали потренировать ребят, чтобы научить их технике болевых и удушающих приёмов. Он отлично владел этими «фишками», подтягивал ребят с удовольствием. Мне нравилось в боях практически всё. Больше всего привлекали их динамика и непредсказуемость. Однако, как ты уже знаешь, читатель, мне ещё предстояло очень долго заниматься только вольной борьбой.

Так что в бои я пришёл с третьего раза.

Я уже говорил тебе, что в 2008–2009 годах колесил по стране, участвуя в различных турнирах. Это касалось не только боевого самбо: панкратион, армейский рукопашный бой – вот малый перечень видов единоборств, по которым я выступал тогда.

В мае 2008 года нас пригласили принять участие в турнире на кубок Олега Тактарова по панкратиону. Олег Тактаров – живая легенда. Первопроходец в UFC среди россиян, человек, за боями которого я следил совсем мальчишкой в Кировауле.

Правила и амуниция бойцов на турнире были максимально приближены к характеристикам смешанных единоборств. На нас были шорты и кентусы. В бою было два раунда по две минуты. В случае ничьей добавлялся ещё один раунд. Полуфинальные и финальные бои шли уже по пять минут. В этом турнире я участвовал в четырёх боях. Во всех выиграл досрочно. Остался последний шаг, финал. Здесь мне противостоял земляк Магомед Магомедов, когда-то до этого тренировавшийся у отца. Присутствовавший на турнире Олег Тактаров видел все мои бои, но во время финала он вынужден был уехать. Перед своим отбытием он подозвал к себе организаторов и сказал им, чтобы они вручили мне кубок за лучшую технику. Как оказалось, он обратил на меня внимание уже в первом бою, а все мои последующие, как мне после передавали, ждал с большим нетерпением. Олег сказал, что ему нет абсолютно никакой

разницы, чем закончится финал, – кубок непременно нужно вручить мне.

В финале я спокойно и уверенно разобрался с визави.

Эта победа стала для меня очередной в 2008 году.

Однако примечательной, в плане моей карьеры в ММА, победа на кубке Тактарова стала вот по какой причине: она сподвигла меня на то, что я стал просить отца выпустить меня в профессиональном бою по правилам смешанных единоборств.

Можешь себе представить, читатель: я всего лишь год занимаюсь боевым самбо, мне ещё предстоит отобраться на чемпионат России в следующем, 2009 году, а я уже прошу отца разрешить подраться по правилам ММА.

Ты уже понял, что мой папа не был в восторге от привычки сына всё время куда-то торопиться. Однако здесь, к моему превеликому удивлению, отец сказал, что подумает над этим.

Уже в июне папа со своими единомышленниками начал планировать большой турнир по правилам ММА. Местом проведения боёв стал фактический родной для моей семьи город Полтава на Украине.

Я грезил возможностью подраться там. Отец не стал чинить мне препятствий, сразу же, в июне, определив мне соперника и разработав график подготовки к бою.

Имя Вусала Байрамова – соперника в первом для меня профессиональном бою – я узнал практически сразу. К моменту нашей встречи он был чемпионом мира по универсальному бою.

Этот бой стал дебютным в профессиональном ММА для нас обоих.

Турнир планировалось провести 13 сентября 2008 года.

Оставалось только готовиться.

Подготовительный лагерь я проходил в Махачкале, в привычной для себя обстановке.

Тогда у нас не было возможности просматривать бои своих будущих соперников в Интернете. Мне сказали, что этот парень – хороший ударник, но и побороться при случае может. Больше я ничего о нём не знал.

Завершающий этап подготовки к бою я провёл на Украине.

Турниру дали громкое название Champions Ligue.

Для участия в боях папа собрал неплохую команду в составе Шамиля Хавурова, Азамата Гашимова, Рустама Хабилова. К этим парням я и примкнул. Кроме того, в турнире принимал участие Алексей Олейник, позже сделавший себе неплохую карьеру в мире ММА.

Для меня, сам понимаешь, драться на таком турнире было вызовом. Уже сам факт, что я дерусь вместе с Шамилём

Завуровым – парнем, на глазах и порой на руках которого я вырос, – был достаточно сильной мотивацией. Шамиль тогда сносил всех. Это было похоже на ураган. Вот уж точно кто нашёл себя в боях – так это Шамиль.

Готовился я совершенно безумно. Этот бой, по моему мнению, на тот момент был важнейшим событием в моей жизни.

Если в плане подготовки большой разницы между своими боями я не замечал, то атмосфера профессиональных боёв меня безусловно удивила и восхитила. За несколько часов до начала турнира я зашёл в зал и обомлел.

Один настил для боя смотрелся непривычно, так как я всегда видел три-четыре канваса на соревнованиях по любителям.

Внимание зрителей было сконцентрировано исключительно на тебе. Это добавляло нервозности, так как ты знал, что люди вокруг видели абсолютно все твои движения, даже самые неудачные.

Что мне действительно понравилось в профессиональных боях, так это регламент взвешивания. Формула «вечер/взвешивание – вечер/бой» была для меня непривычной.

В «любителях» в среднем проводили на турнире четыре-шесть боёв, а тут один, и тот спустя сутки после взвешивания.

К бою я подошёл в оптимальной физической форме. Объяснялось это тем, что я фактически не «гонял» вес. Бой был в весовой категории 70 кг, а я к тому моменту весил 72–73 кг, поэтому «сгонка» прошла совершенно спокойно.

Сейчас, когда ты при возможной встрече спросишь меня: «Хабиб, что ты ощущал перед своим первым боем в ММА?» – я тебе отвечу: «Абсолютно ничего такого, чего не испытывал бы до этого». Честно. Мне было, как говорится, до лампочки, что это «профи».

Я просто вышел и подрался.

Конечно, я следил за боями, но по поводу того, что провожу первый для себя бой в «профессионалах», не «грузился» абсолютно.

Это была очередная драка. Кстати, за неё неплохо заплатили. Но об этом позже.

А теперь, дорогой читатель, если не возражаешь, расскажу про этот бой подробнее.

Меня представили как бойца, выступавшего за бойцовский клуб «Антарес». На поединок я выходил очень мотивированным. К рингу меня вёл Шамиль Завуров. Он секундировал мне после победы в собственном бою. Да, я не ошибся: свой первый бой в ММА я провёл в боксёрском ринге. Ну откуда было взяться октагону в 2008 году в городе Полтава?

Для выхода на бой я накинул красный халат. На голову надел чёрную бейсболку. Люблю бейсболки. Козырёк этого головного убора часто разворачиваю назад. На выходе звучала какая-то музыка, сейчас и не вспомню, какая именно. Я ничего толком не слышал и ни на что не обращал внимания. Мне нужно было, как можно раньше оказаться внутри ринга.

Я хлебнул водички. Снял с себя всё, что помешало бы расправиться с соперником, и вышел на ринг. Красный. Моим первым углом в первом профессиональном бою стал красный угол.

Перед самой командой судьи «бойцы на середину» Шамиль Завуров взял меня руками за лицо и «прокачал» как следует. Я был готов. Я был настроен. Команда «бойцы на середину». Мы сблизились. Он вытянул в мою сторону обе руки в знак приветствия. Я подошёл к нему и обнял, пожелав хорошего боя. Команда «бойцы по углам».

Ну вот и всё. Он и я. Мой первый бой. Отец. Друзья. Полтава.

Я сразу обратил внимание на странную привычку соперника держать голову во время боя. Меня это удивило, но никак не мешало концентрироваться. Парень был настроен и готов выбросить в цель сразу серию хороших ударов. Ещё бы: он чемпион мира по универсальному бою.

Первый лоу-кик. Я его пропустил. Ещё один. Пропустил. Он бил передней для себя левой ногой по внутренней поверхности моей левой ноги. На руках он меня к себе не подпускал. Я видел его постоянно маячившую левую руку, иногда выстреливавшую джебы. Я махнул левый боковой. Соперник «провалил» меня, чуть отклонившись назад. Несколько секунд после этого мы стояли в стойке и просто высматривали удобные для себя варианты. Лоу-кик. Третий. Пропустил. «А этот парень неплохо машет ногами», – подумал я и тут же получил четвёртый лоу-кик, но уже правой ногой по передней левой. Провалил. Пятый лоу-кик последовал тут же, но и его я обошёл. Теперь я уже «читал» Вусала, но он этого не понимал.

Следующие пять секунд стали определяющими для нас обоих в этом бою. Я разглядел возможность пройти ему в ноги. Классическим способом сделать это не удалось, поэтому я зацепил его за левую ногу. Мне этого было вполне достаточно. Я забрал его спину. Расположился поудобнее. Он попытался вывернуть корпус, однако все его попытки я предугадывал сразу же. Full mount. Именно так. Я уселся на него сверху, но атаковать не мог. Он прижался к моему корпусу и лишил меня амплитудной дистанции, так необходимой для нанесения качественных ударов. Я отжимал его от себя, как только мог. Отец

всё это время активно подсказывал мне, что лучше сделать. Я и сам это уже понимал. Я отжал от себя его голову и завалился на бок, прихватив с собой левую руку Вусала. Теперь я на спине, а он надо мной. Мои ноги обвили его голову и вытянутую руку, образовав «треугольник».

Вусал терпел до последнего. Он не сдался, «уснул», как говорят в нашей профессии. Бой остановлен. Я в углу с Шамилём, отец, оббегая ринг, спешит заключить меня в свои объятия.

В глазах моего дяди Насира, сидевшего в первом ряду, я увидел ужас. Он не понимал, почему все вокруг просто наблюдают за тем, что произошло. Я же тогда подумал: «Не переживай, дядя. Сейчас он проснётся».

Для меня случившийся исход боя, а именно удушение через «треугольник», было совершенно обыденным делом. До этого я и на любительских состязаниях «усыплял». Да и на улице, признаюсь, бывало.

Вусала привели в чувство врачи, а меня в чувство привели 2000 баксов за победу.

Вот это да! Я таких денег сроду в руках не держал, а теперь вот они, мои, в прямом смысле кровно заработанные.

Честно, я не знал, что с ними делать. Основную часть денег я отдал отцу. Себе оставил совсем немного, но этого хватило на покупку качественной одежды и поход с друзьями в хороший ресторан.

Я был очень рад выиграть в Полтаве. Этот город стал вторым-третьим родным для моей семьи. Папа учился именно здесь, а также работал непродолжительное время. Потом здесь учились два брата отца. Они остались жить в Полтаве.

Именно братья отца со своими друзьями предложили отцу проведение боя в Полтаве. У папы – бойцы, у них – возможность привлечь спонсоров и организовать бои.

Тогда мы познакомились с президентом Федерации боевого самбо Украины Ильхамом Велиевым. Жизнь сведёт нас с этим человеком ещё не раз в последующие годы.

Всё очень быстро закрутилось. «Кубок Атриума»

Вусал Байрамов – мой соперник в первом занесённом в Sherdog бою – сильно удивил. Несколько раз он акцентированно попал мне по внутренней поверхности икроножной мышцы. Это стало для нас с отцом сигналом к устранению пробела в защитных порядках.

Сразу после боя, выстраивая тренировочный процесс, мы начали отработку защиты от лоу-кика. Если не уметь уходить от этих ударов или блокировать их, ты можешь заработать себе уйму проблем в бою с соперником, который умеет пробивать их хотя бы на слабую «троечку».

Анализируя ситуацию, сложившуюся в том бою, я понимал, что я молод, что есть ещё к чему идти в спортивном мастерстве. Однако злился на себя из-за того, что пропустил все его лоу-кики. При всём моём уважении к Вусалу, он не был лучшим в мире в этом компоненте, но пробивал и попадал в меня.

Тогда, в 2008 году, он был отличным соперником для начинающего Хабиба Нурмагомедова. Однако дальше ожидать соперников полегче не приходилось. Я тренировался порядка месяца, когда предложили подраться в Москве. Имён соперников мне не сообщили. Всё, что сказали, так это то, что нас будет восемь человек, а за победу дают 2000 долларов. Предложение я принял. Начал готовиться. И тогда со мной приключилась история, которая послужила для меня хорошим уроком.

Это был период, когда отцовский контроль уже не был так силён. Надо мной уже около двух лет не висел дамоклов меч отцовского наказания. С папой мы общались спокойно, доверительно. Я уже знал, как общаться с отцом так, чтобы он не нервничал и не «наезжал» на меня. Эта уверенность в себе позволяла мне порой нарушать семейный режим и уже годами устоявшиеся семейные правила.

Я слишком много времени стал проводить на улице. Причем, даже ночью. Отцу это нравилось всё меньше и меньше. А если прибавить к этому наши постоянные драки и разборки, за которые, кстати, отец меня наказывал, то ситуация порой становилась взрывоопасной. Однажды произошёл взрыв.

Мы стояли в парке. Пришли по просьбе знакомых поддержать на разборках. Мы что-то активно обсуждали, спорили. Зазвонил мой телефон. Вернее, это был телефон старшего брата Магомеда. Уезжая в армию, брат оставил модную тогда Nokia 70 мне.

Я посмотрел на дисплей: звонил отец.

Спустя долю секунды трубка вновь оказалась в моём кармане. Перезвоню, подумал я. Забыл. Не перезвонил.

Вечером этого дня у нас в доме было жарко.

Я вернулся домой, вымыл руки и зашёл на кухню, где уже ужинал папа.

– Как дела? – спросил отец.

– Всё нормально, – ответил я.

– Как прошёл день?

– Нормально.

– Я звонил тебе.

– Да? Я даже не заметил. Извини.

В этот момент рука отца уже летела в область моего затылка. Бах. Бух. Потолок. Пол. Стена. Вновь пол. Голова. Спина.

Отец отделал меня, будто я был тренировочным манекеном. Я даже опомниться не успел. «Отец в отличной форме», – поймал я себя на мысли. С большим трудом мне всё-таки удалось упросить отца остановиться. Когда всё утихло, я попробовал начать говорить. Осознавая свою вину, я всё ещё не понимал, как отец всё-таки понял, что я его обманул, сказав, что не видел его звонка. По реакции папы на мои слова было очевидно, что он не верит моему доводу о незамеченном звонке. Отец сказал мне, чтобы я шёл с глаз долой. Я побрёл к выходу из кухни. Мама увидела синяки и ссадины на моём лице. Узнав, что это всё «дары» от отца, она ринулась к нему на кухню. По всей видимости, вопросы и возмущения мамы привели папу в не меньшее бешенство, нежели моё враньё. В общем, мама убегала из кухни так быстро, как только могла. Это был большой семейный скандал. Отец долго хранил молчание относительно того, зачем он тогда меня избил. Сам я, конечно, понимал, за что получил, но папа молчал.

И только после нескольких лет он как-то сказал, что, проезжая тогда мимо парка, увидел меня с группой парней и позвонил мне, чтобы отправить домой. Я не поднял трубку, видя, что звонит отец. Папа видел, как я засунул телефон в карман. Вечером же, спросив у меня, в чём дело, и получив лживый ответ, он навалял мне так, что запомнилось надолго. Мне было очень стыдно за свой поступок в парке и ложь дома. С тех пор я дал себе клятву больше никогда не обманывать отца.